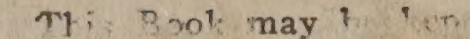
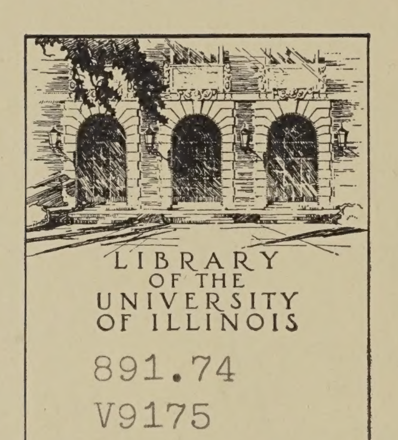

891.74
V9175
Oz

This Book may be

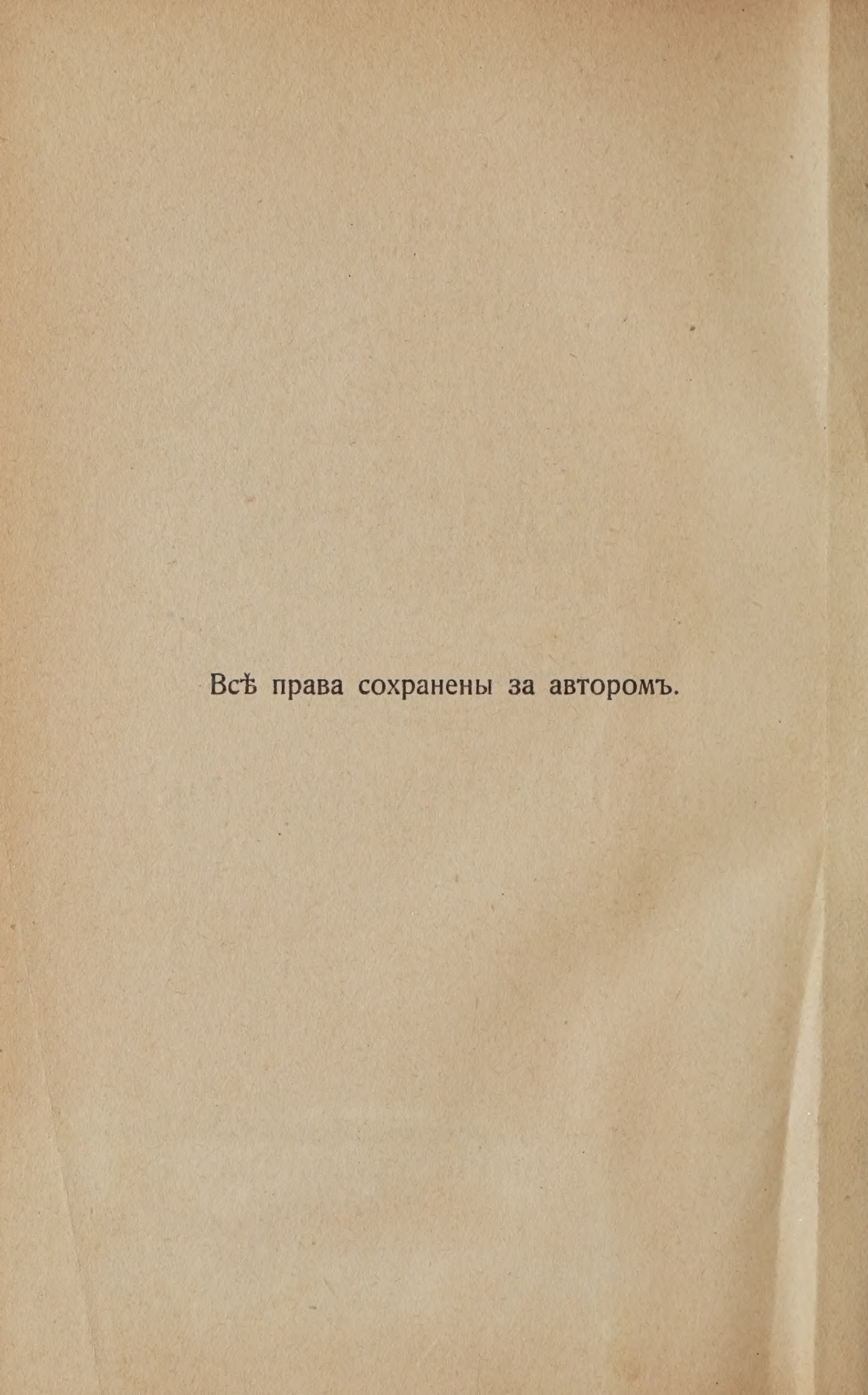
А. ВОРОТНИКОВЪ

ЗОЭ

ПОВѢСТИ ЮЖНЫХЪ БЕРЕГОВЪ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ОЛЬГА ДЬЯКОВА и Ко.
ВЪ БЕРЛИНѢ.

ВЪ СТАРЫХЪ СТѢНАХЪ.

Среди скитаній по берегамъ Сициліи, я провелъ нѣсколько часовъ въ одномъ древнемъ монастырѣ. Вокругъ него, по уступамъ желтыхъ скалъ, среди одинокихъ пальмъ и разметавшихся кактусовъ, остатки средневѣковыхъ зданій; вдали широкая пирамида Этны, весь день окутанная облаками. Монастырь пережилъ много вѣковъ на своей скалѣ между синимъ небомъ и шумящимъ далеко внизу Іонійскимъ моремъ. Теперь стѣны его опустѣли; онъ преданъ забвенію и медленному разрушенію. Внутренній дворъ наполненъ кустами нѣжныхъ джельсоминовъ и блѣдныхъ розъ. Густое кружево темнаго плюща окутываетъ колонны и свѣшивается съ карнизовъ. Въ одномъ изъ угловъ изваяніе монаха съ черепомъ въ рукахъ. Глаза опущены, въ строгихъ чертахъ лица запечатлѣлись думы и горькая, едва уловимая усмѣшка.

Очарованный прекрасной печалью этого уединенія, я долго бродилъ подъ аркадами двора, который замѣнялъ весь земной міръ обитателямъ монастыря. Потомъ я вошелъ въ высокую церковь: пустынныя сѣрыя стѣны; по бокамъ главнаго алтаря рѣзные хоры, чудной работы; изображенія святыхъ и загадочныя аллегоріи сплелись съ изгибами причудливыхъ листьевъ и цвѣтовъ.

По церкви медленно ходилъ неровными шагами одинокій хранитель монастыря, худой и сгорбленный монахъ, съ длинной сѣдой бородой и землистымъ лицомъ. Я попросилъ его показать мнѣ келіи обители. Старикъ долго смотрѣлъ на меня большими потухшими глазами; потомъ, не говоря ни слова, сдѣлалъ мнѣ знакъ рукой, и пошелъ изъ церкви. Мы вошли въ длинный печальный корридоръ: высокіе своды исчезали въ полутьмѣ; изрѣдка узкія окна; на стѣнахъ нѣсколько поблекшихъ фресокъ. Я подумалъ о тѣхъ, что посвящали свою жизнь этому монастырю, и среди молитвъ трудились надъ украшеніемъ его стѣнъ. И я сказалъ моему проводнику:

— Въ мою душу проникаетъ вѣковая тишина обители. Никогда не достигали до нея мірскія бури.

Старикъ посмотрѣлъ мнѣ въ глаза исподлобья и покачалъ головой:

— Мірскія бури?.. Нѣтъ, не всегда... не всегда... Были случаи... Вотъ!..

И, разводя руками, точно разсуждая самъ съ собой, онъ указалъ мнѣ на выцвѣтшія картины. Я сталъ разсматривать одну изъ нихъ.

По склону сѣрой горы—нѣсколько тонкихъ и прямыхъ померанцевыхъ деревъ съ кудрявой листвой. Вдали, на голубыхъ горахъ, башенки замковъ. Среди травъ и цвѣтовъ, точно тѣни, стоятъ пять обезглавленныхъ тѣлъ въ бѣлыхъ монашескихъ одеждахъ; перерѣзанныя шеи зіяютъ кровавыми ранами. Въ рукахъ у всѣхъ отрубленныя ихъ головы; глаза подняты къ небу, губы сжаты. Распустившіеся алые цвѣты на длинныхъ и тонкихъ стебляхъ цвѣтутъ точно кровью

— Чудо! глухо проговорилъ мой проводникъ: злые сарацины отрубили головы братьямъ. А они принесли свои головы въ обитель. Сарацины ушли... Чудо спасло обитель...

Я невольно пожалъ плечами. Старикъ замѣтилъ мое движеніе:

— Могила братьевъ — въ монастырѣ. И они пришли. Чудо!..

Я подошелъ къ другой картинѣ, противъ окна: нѣсколько монаховъ среди церкви смотрятъ съ недоумѣ-

1*

ніемъ и страхомъ на распростертую предъ алтаремъ женщину въ бѣломъ монашескомъ одѣяніи. На ея мертвомъ лицѣ—ужасъ. Отъ ея тѣла уносится вглубь церкви злой духъ, съ отвратительнымъ лицомъ и крыльями летучей мыши. Одинъ изъ иноковъ, молодой, упалъ на колѣни, ломая руки; онъ знаетъ невѣдомую другимъ тайну, и въ ней его мука и отчаяніе.

Въ поблекшей картинѣ я почуялъ тоску и страхъ предъ совершившимся непонятнымъ чудомъ. Ужасъ смотритъ изъ всѣхъ глазъ, ужасъ и на мертвомъ лицѣ женщины.

Старикъ протянулъ руку къ стѣнѣ и проговорилъ:

— Давно, давно... Когда приходили сарацины... То была жена одного синьора... Ея сердцемъ овладѣлъ злой духъ... Она пришла соблазнять юнѣйшаго изъ братіи...

Въ голосѣ старика послышалась злобная иронія, его глаза блеснули на мгновеніе:

— Онъ искалъ спасенія отъ соблазновъ... А она пришла къ нему... И вотъ, вотъ!.. Гибель соблазнительницѣ!.. Да, да, гибель!..

Красные вечерніе лучи падали на стѣну. Въ этихъ лучахъ подобіе жизни одушевляло изображенія монаховъ. Я начиналъ чувствовать ихъ страхъ предъ ка-

кой-то грозной тайной. Мнѣ казалось, что я сталъ жить общей съ ними жизнью...

Старикъ съ мертвеннымъ лицомъ, точно вернувшійся изъ дали вѣковъ, стоялъ возлѣ меня и шепталъ:

— Гибель!.. Смерть!.. Смерть на вѣки!.. Горе соблазну!.. Соблазнъ родитъ Смерть... Вотъ она, — Смерть!.. Вотъ!.. Вы видите?..

Онъ указывалъ мнѣ на картину дрожащими пальцами. Онъ видѣлъ то, что я не видѣлъ. Но глаза монаховъ, со стѣны, продолжали смотрѣть на меня со страхомъ и тайной мукой. Они томили меня. Я не могъ дольше выносить ихъ и вышелъ изъ темнаго коридора въ монастырскій дворъ.

Утомленный тревожнымъ чувствомъ, я опустился на мраморныя ступени колодца. Сентябрьскій воздухъ опьянялъ; кругомъ благоухали джельсомины и розовые амарилисы. На стѣнахъ, колоннахъ, на зелени кустовъ легли томныя, трепещущія любовью краски вечерняго солнца, еще не виданныя мною. Иногда природа, лишь на мигъ, открываетъ предъ глазами случайнаго избранника одну изъ заповѣдныхъ тайнъ своей безконечной красоты.

Но и въ лучахъ заката и въ ароматѣ цвѣтовъ, предо мной была все та же, смутившая душу, старая картина. Неотступно смотрѣли на меня устрашенные

глаза. Слышались слова о Соблазнѣ и Смерти. Мною овладѣли думы о тѣхъ людяхъ, что страдали и любили въ этихъ стѣнахъ. Постепенно сознаніе времени ослабѣвало. Дѣйствительность сливалась съ грезами. Среди наступившаго забытья, исчезли вѣка, отдѣлявшіе меня отъ тѣхъ людей, и они возстали вокругъ меня, какъ живые...

Облака ушли съ горныхъ вершинъ. Въ долинахъ легли сизыя тѣни. Въ лучахъ заката порозовѣли зубчатыя стѣны замка на скалѣ. Онѣ сложены изъ грубыхъ камней; среди тѣснаго двора квадратная башня; надъ ея дверью арабская надпись. Но арабовъ давно нѣтъ въ замкѣ. Старый рыцарь живетъ здѣсь на прибрежныхъ горахъ, одинъ изъ стражей норманской власти на Островѣ. Сегодня къ нему пріѣхалъ старый боевой товарищъ, графъ Рольфъ.

Графъ недавно овдовѣлъ и женится на дочери друга Адельгейдѣ. Ей шестнадцать лѣтъ. Она—высокая дѣвушка, съ тонкимъ станомъ; ея золотистыя кудри вьются по плечамъ какъ змѣйки; большіе синіе глаза радостно смѣются. Графъ Рольфъ ласково надѣлъ ей на шею богатую восточную цѣпь съ изумрудами. Онъ привезъ ей еще въ подарокъ тяжелый золотой поясъ, драгоцѣнное покрывало, тонкое, какъ паутина, и двухъ темнолицыхъ невольницъ съ африканскаго бе-

рега. Небогатый отецъ не дарилъ Адельгейдѣ дорогихъ вещей, и она рада пріѣзду щедраго жениха. Она уже видѣла его одинъ разъ. У графа гордый и строгій видъ, въ его бородѣ много сѣдинъ, но онъ еще красивъ и силенъ; прямой станъ не сгорбился въ бояхъ. Адельгейда съ радостью поѣдетъ въ замокъ графа.

Любуясь драгоцѣнной цѣпью и праздничнымъ платьемъ, она идетъ на верхнюю площадку башни. Тамъ, у зубцовъ стѣны, сидитъ ея старая нянька Мальфрида. Космы сѣдыхъ волосъ разметались вокругъ ея морщинистаго лба; дрожащія губы что-то шепчутъ. Мальфрида смотритъ вдаль на море и не замѣчаетъ Адельгейды. А дѣвушка, смѣясь, трясетъ ее за плечо:

— Посмотри, какіе подарки, Мальфрида! Какъ добръ графъ Рольфъ!

Старуха не оборачивается; сердитый шопотъ ея становится слышнѣе:

— Какъ добръ!... За нимъ вслѣдъ горе ползетъ въ замокъ... Волкъ грызетъ стѣны... Глупая!.. Не держись за старый дубъ... Молодой кипарисъ возлѣ тебя... Придетъ день, лоза обовьется вокругъ кипариса... и умретъ.

— Что говоришь, Мальфрида? со страхомъ спро-

сила дѣвушка: Зачѣмъ пророчишь смерть въ радостный день?

Старуха повернула къ ней голову; ввалившіеся глаза злобно горятъ; губы дрожатъ:

— Зачѣмъ покидаешь Альдо?... Онъ выросъ съ тобой... Вы дѣти, братья... Вамъ быть вмѣстѣ...

— Альдо, тихо промолвила Адельгейда въ раздумьи: Альдо не будетъ моимъ мужемъ... Вотъ, Альдо!

И, склонясь между зубцовъ башни, она зоветъ къ себѣ рукой юношу, который стоитъ внизу, облокотясь о стѣну.

— Альдо, пойди сюда! Ты смотришь печально... Взгляни, Альдо, на мою золотую цѣпь съ изумрудами.

На площадку башни быстро вбѣжалъ молодой человѣкъ, почти еще мальчикъ, высокій и стройный. На немъ темный, короткій кафтанъ, стянутый кожанымъ поясомъ. Бѣлокурыя кудри до плечъ. Задумчивые глаза печально смотрятъ на Адельгейду. Онъ говоритъ ей:

— Зачѣмъ ты уходишь отъ насъ, Адельгейда!.. О выслушай меня!.. Скоро я буду богатъ, какъ и графъ Рольфъ. Я пойду въ походъ на Триполи или Византію. Я добуду тебѣ много золота и драгоцѣнныхъ парчей... Все, все отдамъ тебѣ...

Адельгейда, изгибаясь своимъ тонкимъ станомъ, кладетъ голову на плечо Альдо. Заглядывая ему въ глаза, она тихо смѣется:

— Альдо, долгіе годы пройдутъ, пока ты станешь богатъ... Отецъ отдаетъ меня замужъ... И графъ знатенъ родомъ, Альдо... Какъ богатъ его замокъ! Сколько оружія! На стѣнахъ ковры...

Мальфрида быстро взглянула на дѣвушку и сердито качаетъ головой. Въ глазахъ Альдо робкая мольба. Онъ съ грустью вспоминаетъ о счастливыхъ дняхъ:

— Какъ весело было намъ вмѣстѣ, Адельгейда!.. Я училъ тебя стрѣлять изъ лука... Какъ хорошо намъ было на морѣ!.. Помнишь, мы разъ приплыли въ тотъ голубой гротъ у берега, въ скалахъ? Тамъ, подъ водой, растутъ красные кораллы. Ты хотѣла оторвать ихъ отъ камней и опрокинула лодку. Мы пришли въ замокъ въ мокрой одеждѣ, и Мальфрида бранила насъ...

Адельгейда ласково посмотрѣла на него и проговорила тихо:

— Да, хорошо было на морѣ. Ты силенъ и неутомимъ. Съ тобой, я не боялась бури... Нѣтъ! И одна я не боюсь бури... Хорошо было бродить по скаламъ, надъ моремъ, и въ долинахъ, среди садовъ. Ты всегда доставалъ мнѣ самую спѣлую гранату съ дерева. У графа Рольфа много садовъ...

Имя графа — мука для Альдо. Онъ прерываетъ Адельгейду:

— Останься! О, прошу тебя!.. Зачѣмъ уходишь отъ насъ!

Она, съ важностью взрослаго ребенка, отвѣтила:

— Такъ хочетъ отецъ, Альдо!.. Я буду женою графа.

Мальфрида стучитъ о землю палкой и злобно бормочетъ:

— Хочетъ отецъ!... Завтра придетъ старикъ, съ обритымъ лицомъ въ золотой одеждѣ... Будемъ читать свои молитвы.. Она станетъ женою графа... Ха ха!.. Молчатъ старые боги... Они заговорятъ, заговорятъ!.. Кто побѣдитъ?..

Адельгейда и Альдо молча переглянулись. Часто рѣчи старухи непонятны имъ. Мальфрида сжала губы, съ трудомъ поднялась со скамьи и поплелась внизъ по лѣстницѣ. Адельгейда захотѣла утѣшить своего друга:

— Замокъ графа недалеко. Когда ты пожелаешь меня видѣть, Альдо, ты пріѣдешь ко мнѣ...

Молодой человѣкъ съ укоромъ посмотрѣлъ на нее Какъ жестоки ея утѣшенія! Послѣдняя надежда оставляетъ его. Онъ говоритъ тихо, смотря ей въ глаза:

— Нѣтъ!.. Ты уйдешь, и мое сердце разорвется. И я умру... Безъ тебя я не останусь въ замкѣ.

Но Адельгейда не думаетъ о смерти. Зачѣмъ грустить въ радостный день? Она отступила отъ Альдо, усмѣхнулась и звонкимъ голосомъ запѣла:

— Ахъ на землѣ непрочно счастье,
Невѣчны милые друзья...

И, сходя съ башни, безпечно сказала:

— Я иду къ гостямъ, Альдо. Пора ужинать.

Въ углу двора, подъ пестрымъ навѣсомъ, сидятъ гости у стола. При свѣтѣ факеловъ, серебряные кубки блестятъ, среди яркихъ плодовъ и глиняныхъ кувшиновъ съ виномъ и водой. Адельгейда подходитъ къ столу. Всѣ привѣтливо смотрятъ на нее.

Альдо издали слѣдитъ за нею. Графъ Рольфъ нѣжно гладитъ рукой ея золотистые волосы. Альдо не въ силахъ смотрѣть дольше. Онъ бросается къ выходу изъ замка и бѣжитъ по горной тропинкѣ, скользя по камнямъ, цѣпляясь одеждой за кусты. Онъ не думаетъ о томъ, куда бѣжитъ. Лишь бы быть далеко отъ замка, лишь бы не видѣть, какъ Адельгейда станетъ женой стараго графа.

Безъ цѣли бродитъ Альдо по скаламъ. Злой вѣтеръ треплетъ его волосы и одежду.

Куда идти? Онъ не думаетъ о томъ. У него нѣтъ ни дома, ни семьи. Сиротой онъ выросъ въ замкѣ. Туда онъ не вернется никогда... Завтра станетъ женой графа Адельгейда. Адельгейда, его сестра, его товарищъ!... Никогда не думалъ Альдо о разлукѣ съ ней. Она покидаетъ его. Ей весело. Графъ подарилъ ей золотую цѣпь. Она смѣется. У ней нѣтъ и мысли о бѣдномъ ея другѣ. Она сказала: Пройдутъ года, пока ты станешь богатъ, Альдо! Графъ знатенъ родомъ. Въ его замкѣ много оружія, ковры на стѣнахъ...—И вотъ графъ Рольфъ увезетъ ее съ собой. Адельгейда хочетъ богатствъ. Ей не нуженъ Альдо...

Въ тоскѣ онъ садится на камни. Наступаетъ ночь. Яркія звѣзды смотрятъ на него съ высоты. Но ихъ сіяніе не радуетъ, какъ прежде. Въ душѣ темнота и отчаяніе. На высокихъ скалахъ печальная тишина;

лишь изрѣдка легкій шелестъ крыльевъ пролетающей совы. Ненадолго Альдо засыпаетъ. На время затихаютъ страданія души.

Утренняя заря золотитъ морской просторъ и одѣваетъ розовымъ туманомъ горы. Альдо спускается со скалъ. Онъ снова бродитъ безъ цѣли или сидитъ на утесахъ.

Онъ думаетъ: теперь въ замкѣ служатъ обѣдню; Адельгейда на колѣняхъ, рядомъ съ графомъ. Она счастлива. Она забыла, что товарищъ и другъ ея ушелъ навсегда... Вернуться бы въ замокъ... Графъ безоруженъ у алтаря. Оттолкнуть его отъ Адельгейды, заколоть его. А потомъ — умереть у ея ногъ. Умереть, глядя ей въ очи... Но она проклянетъ его! Она хочетъ богатствъ графа. О, зачѣмъ у нея жестокое сердце! И никогда Альдо не увидитъ ее снова. Никогда!

Далеко внизу скалъ бьютъ о берегъ и пѣнятся зеленыя волны. Часто носили онѣ его въ челнокѣ вмѣстѣ съ Адельгейдой. Онъ смотритъ на волны. Нѣсколько шаговъ до края обрыва,—и онъ въ ихъ объятіяхъ. Онѣ манятъ его къ себѣ. Тамъ покой навсегда. На днѣ глубокаго моря, на холодномъ пескѣ. Со дна моря онъ увидитъ красные кораллы, что нравились Адельгейдѣ. Онъ будетъ отрывать ихъ отъ скалъ и пошлетъ съ волнами къ ея

замку. На берегу, она увидитъ у своихъ ногъ, въ морской пѣнѣ, красныя вѣтви и вспомнитъ Альдо.

Не отводя глазъ отъ сверкающихъ на солнцѣ волнъ, онъ шагъ за шагомъ подвигается къ краю обрыва.

Внезапно, глаза его ослѣплены необычайнымъ свѣтомъ. Въ солнечныхъ лучахъ, передъ нимъ призракъ, сотканный изъ свѣтлаго тумана. Прекрасный ликъ окруженъ сіяніемъ кудрей. Панцырь блеститъ и свѣтится. Предъ небеснымъ видѣніемъ Альдо опускается на колѣна. Онъ видѣлъ этотъ ликъ, давно, на золотомъ сводѣ храма. То ликъ Святого Георгія, покровителя храбрыхъ воиновъ. Съ трепетомъ и радостью Альдо смотритъ на него. И вотъ предъ нимъ поднимается лучезарная рука и указываетъ ему вдаль прибрежныхъ горъ. И видѣнье исчезаетъ, сливаясь со свѣтомъ солнца.

Альдо встаетъ съ колѣнъ. Онъ понялъ, что рука Святого указала ему, бездомному, его путь. Онъ бодро спускается со скалы и идетъ по узкой горной дорогѣ. Теперь онъ замѣчаетъ, что солнце палитъ его голову; онъ чувствуетъ усталость и голодъ. По уступамъ горъ извиваются, точно лапы невиданныхъ чудовищъ, вѣтви кактусовъ. Красные плоды на нихъ давно уже созрѣли. Ихъ достаточно, чтобы утолить

голодъ. Отдохнувъ у дороги, Альдо продолжаетъ путь.

День склонился къ вечеру. Море и горы покрылись алыми пятнами. Облака ушли съ Монджибелло [1]). Вѣчные снѣга ея вершины горятъ въ вечернихъ лучахъ. Дорога круто огибаетъ гору. И вотъ предъ путникомъ, среди скалъ и виноградниковъ, невысокія стѣны монастыря, прямая колокольня. Звуки вечерняго колокола разносятся въ долинѣ. Альдо знаетъ, куда ему идти. Въ эту обитель свѣтлое видѣніе указало ему путь.

---

1) Этна.

Послѣ вечерней службы въ храмѣ братья вышли въ прохладу монастырскаго двора, наполненнаго цвѣтами. Старый настоятель Эрмогенъ сѣлъ на мраморную скамью. Тишина. Лишь изрѣдка, два-три слова вполголоса между братьями. Двое изъ нихъ достаютъ воду изъ колодца и льютъ ее около кустовъ на землю, сожженную жаркимъ осеннимъ солнцемъ.

Подъ сводами двора показался молодой путникъ, утомленный, въ изодранной одеждѣ, и въ нерѣшимости остановился. Движеніемъ руки настоятель позвалъ его къ себѣ. Путникъ стремительно подходитъ и падаетъ къ его ногамъ. Иные изъ братьевъ внимательно и недовѣрчиво смотрятъ на пришлеца. Отецъ Эрмогенъ привѣтливо взглянулъ въ глаза юноши и спросилъ, что привело его въ обитель?

Альдо, складывая руки съ мольбой, горячо отвѣтилъ:

— Прими меня, отецъ!.. Здѣсь хочу схоронить мои дни... Мнѣ указалъ путь Святой Георгій...

Одинъ изъ братьевъ покачалъ головой и говоритъ другому:

— Зачѣмъ намъ еще братья?.. Въ обители будетъ тѣсно...

Настоятель слышитъ эти слова. Не отвѣчая на нихъ, онъ спрашиваетъ Альдо, что изгнало его изъ міра?

Альдо, переживая снова недавнія муки, разсказалъ ему про горе своей жизни. У него нѣтъ пріюта. Въ замокъ онъ не вернется. Онъ хочетъ служить Богу и Святому Георгію. Онъ изъ благородной семьи, но здѣсь будетъ работать и трудиться. Здѣсь онъ будетъ всѣмъ слуга.

— Кто хочетъ быть первымъ, пусть будетъ послѣднимъ и всѣмъ слуга, — говоритъ тихо старецъ, обводя взглядомъ окружающихъ.

Альдо, цѣлуя его морщинистую руку, повторяетъ, что будетъ трудиться, какъ послѣдній невольникъ, а если нужно, защищать обитель мечемъ отъ враговъ.

— Не надо человѣческой защиты, отвѣчаетъ отецъ Эрмогенъ: мечъ не для монаха. Наше оружіе молитва... Сынъ мой, забудь все, что оставилъ ты за нашими стѣнами. Здѣсь домъ твой, здѣсь весь міръ твой.

Альдо, въ грубой бѣлой одеждѣ монаха, работаетъ безъ устали въ садахъ и виноградникахъ, разводитъ цѣлебныя травы, ловитъ рыбу въ морѣ, съ тоской глядя на пѣнящіяся волны. Онъ растираетъ краски для византійца художника, который пишетъ на стѣнахъ келій строгіе лики святыхъ. Трудомъ и молитвами Альдо убиваетъ тоску души. Никогда онъ не задремлетъ въ долгіе часы ночныхъ моленій; на колѣняхъ въ храмѣ ударяетъ себя въ грудь, какъ послѣдній изъ грѣшниковъ.

Часто братья видятъ его ночью среди кустовъ и цвѣтовъ двора; облокотясь о стволъ кипариса, обнявъ руками колѣна, Альдо сидитъ неподвижно, въ безмолвной молитвѣ. Онъ смотритъ на горящія въ высотѣ звѣзды, прославляющія Творца. И миръ нисходитъ въ его душу.

Даже тѣ изъ братьевъ, что сперва считали его лишнимъ, теперь одобрительно смотрятъ ему вслѣдъ,

когда онъ весело спѣшитъ на монастырскую работу или, опустивъ глаза, бродитъ, въ раздумьи, по темнымъ переходамъ обители.

И такъ прошло болѣе двухъ лѣтъ.

Высокая комната. Группы тонкихъ колонъ по угламъ поддерживаютъ сводъ. Въ вечернемъ свѣтѣ на позолотѣ росписныхъ стѣнъ загораются мѣстами блестящіе узоры. Чрезъ арку окна видна широкая пелена синяго моря и туманныя очертанія береговъ Калабріи, вдали.

На дорогихъ подушкахъ сидитъ у окна графиня Адельгейда. Ея волосы связаны нитями жемчуга; узкая туника отливаетъ блескомъ шелковъ и золота. Веселой улыбки нѣтъ на лицѣ Адельгейды. Взоръ ея загадоченъ, какъ глубокое море.

На скамьѣ возлѣ графини сидитъ ея старая нянька. Мальфрида сгорбилась больше прежняго: сѣдая голова ея трясется, нижняя губа отвисла. Время забыло о Мальфридѣ, забыла и она счетъ своимъ годамъ. Помнитъ она, что когда-то, давно, на легкомъ кораблѣ, переплыла моря изъ далекой родины, вмѣстѣ съ бабушкой Адельгейды. Твердо еще помнитъ старуха тайныя слова и заклинанія; они доста-

лись ей въ наслѣдіе отъ матери. Эти слова узнали люди отъ боговъ, отъ сильныхъ боговъ, что дѣды Мальфриды забыли и промѣняли на Христа. Неодолимая сила въ тѣхъ словахъ.

Мальфрида видитъ тоску графини и хочетъ помочь ей. Она любитъ свою Адельгейду,—хоть и сурово говоритъ съ ней,—любитъ Альдо, да еще своего внука, слугу графа Рольфа. А больше никого.

Въ богатомъ замкѣ Адельгейда прожила болѣе двухъ лѣтъ и возненавидѣла и замокъ и своего мужа. Ея сердце приковано невидимой цѣпью къ горной обители, гдѣ скрылся Альдо. О немъ думаетъ она постоянно, съ тоскою въ сердцѣ, проклиная день разлуки. Думаетъ и среди дневныхъ работъ, и въ опочивальнѣ, не зная покоя въ тихіе часы ночи. Изъ темноты смотрятъ на нее кроткіе глаза Альдо. На своемъ супружескомъ ложѣ она случайно коснется рукою графа; ей чудится присутствіе Альдо, и она пробуждается, охваченная огнемъ. Ломая руки, она зоветъ гибель и на себя, и на мужа, и на монастырь, пріютившій ея друга. Утромъ и вечеромъ графиня читаетъ латинскія молитвы, не думая о ихъ значеніи. И душа ея далека отъ Неба.

Все это знаетъ Мальфрида и задумала привлечь снова сердце Альдо къ графинѣ...

Наступилъ вечеръ. Въ его полумракѣ блекнутъ яркіе цвѣты и узоры на стѣнахъ и сводахъ. Мальфрида ставитъ среди комнаты небольшую жаровню и бросаетъ на уголья сухія травы. Ароматный дымъ тянется къ открытому окну. Дрожащими, костлявыми пальцами она держитъ надъ дымомъ колючія вѣтви горнаго плюща съ душистыми цвѣтами. Глаза старухи изъ глубокихъ орбитъ смотрятъ далеко за предѣлы комнаты и замка. Они видятъ невидимое для другихъ.

Мальфрида шепчетъ, то грозно озираясь кругомъ, то глядя черезъ окно на море и небо, точно зоветъ кого-то изъ моря, изъ воздуха, изъ пропастей:

—Мѣсяцъ стоитъ надъ змѣиной норой,
Стонетъ волкъ передъ крѣпкой стѣной,
Мертвыя кости на землю зоветъ.
Тихо змѣй черный ползетъ...
Стѣны, въ тоскѣ, распадитесь!..

Адельгейда слѣдитъ за движеніями старухи и повторяетъ, по ея приказу, послѣднія слова. Графинѣ страшно. Безсознательно она крестится. Мальфрида въ негодованіи кидается къ ней, рветъ, въ бѣшенствѣ и отчаяніи, свои сѣдые волосы и, разметавъ ихъ, трясетъ головой, подобно Медузѣ:

— Безумная, ты уничтожишь силу заклинаній!..

Несчастная, помни: старые боги побѣдятъ!.. Ваши боги безсильны...

Адельгейда притаилась у стѣни и со страхомъ смотритъ на старуху. Потомъ Мальфрида успокаивается, садится и начинаетъ снова заклинанія. Въ ея голосѣ слышится предчувствіе торжества:

— Тихо змѣй черный ползетъ...
Стѣны, бъ тоскѣ, распадитесь!
Иглы въ сердце вонзитесь!..
Змѣи, вы жаломъ коснитесь къ устамъ!..
Сердце къ сердцу и кости къ костямъ.
Вмѣстѣ спаяны два существа.

Мальфрида связываетъ двѣ колючія вѣтви длиннымъ золотистымъ волосомъ Адельгейды и бережно кладетъ въ византійскій ларецъ изъ рѣзной кости. На его крышкѣ изображено искушеніе Зміемъ первыхъ людей въ Раю.

— О, Мальфрида! шепчетъ графиня, приникая къ плечу старухи и трепеща всѣмъ тѣломъ.—Пусть онъ придетъ!.. Одинъ лишь мигъ... Я хочу умереть въ его объятіяхъ!..

На слѣдующее утро внукъ Мальфриды отвезъ въ монастырь подарки графини: вышитое золотомъ покрывало на алтарь церкви и дорогой рѣзной ларецъ для Альдо.

Вѣсь день бродила по замку графиня и смотрѣла со стѣнъ на дорогу. Подъ вечеръ, посланный привезъ обратно ларецъ. Альдо взялъ его въ руки, но тотчасъ отдалъ слугѣ и сказалъ:

— Монаху не нуженъ драгоцѣнный ларецъ... Я молюсь во всѣ часы за твою госпожу.

Графиня съ отчаяніемъ и укоромъ смотритъ на Мальфриду. Потомъ, съ бѣшенствомъ схватываетъ ларецъ и кидаетъ его на полъ. Рѣзная кость разбивается на куски. Съ рыданіями Адельгейда падаетъ въ кресло.

Мальфрида подходитъ къ ней и кладетъ руку ей на голову:

Онъ взялъ ларецъ въ руки... Старые боги побѣдятъ новаго Христа. Я слышу ихъ голосъ... въ стонѣ волнъ, въ дыханіи бури. Побѣдятъ старые боги!

Жители прибрежныхъ деревень въ смятеніи и ужасѣ бѣгутъ въ замки, а когда ихъ оттуда гонятъ, скрываются въ горахъ. Сарацины, переплывъ море, разлились по берегамъ, грабятъ деревни, истребляютъ сады и посѣвы, убиваютъ христіанъ.

Съ монастырскихъ скалъ видны на морѣ желтые паруса сарацинскихъ лодокъ. Острые шлемы и кольчуги блестятъ на солнцѣ. По временамъ слышны съ берега дикіе гортанные крики. Въ обители всѣ ждутъ нападенія и готовятся къ смерти, въ усиленныхъ молитвахъ, посыпавъ головы пепломъ.

Пять братьевъ, жаждущихъ подвига, пришли къ настоятелю и просятъ его благословленія, чтобы идти къ невѣрнымъ и увѣщевать ихъ, во имя Божіе. Отецъ Эрмогенъ, обнимая со слезами братьевъ, отпустилъ ихъ изъ обители.

У морского берега, въ опустѣвшихъ и разграбленныхъ домахъ, поселились африканскіе разбойники. Трупы убитыхъ христіанъ выброшены въ море, но кровавыя пятна покрываютъ полы и стѣны жилищъ. Кровавыя пятна на цвѣтныхъ одеждахъ грабителей и на ихъ латахъ, исписанныхъ золотыми словами Корана. Подъ тѣнью апельсинныхъ деревъ отдыхаютъ они въ вечерней прохладѣ, лежа на землѣ близъ дороги. Молодой арабъ поетъ. Знойная, извивающаяся мелодія уныло звучитъ среди разрушенія христіанскихъ жилищъ.

Къ сарацинамъ подходятъ пять братьевъ. Одинъ изъ нихъ, истомленный постомъ, съ горящимъ взоромъ пророка, обращается къ невѣрнымъ на ихъ языкѣ, торжественно, точно заклиная бѣсовъ:

— Во имя всемогущаго Бога, уйдите съ нашихъ береговъ! Какъ свирѣпые львы, вы разносите смерть. Зачѣмъ губите жилища, топчете виноградники, убиваете безвинныхъ и кроткихъ христіанъ?.. Страшитесь Божьяго гнѣва!.. Во имя Божіе уйдите!

Разбойники переглядываются и смѣются. Изрѣдка, въ отвѣтъ, слышны ихъ слова:

Кроткіе христіане!.. Побѣдители нашихъ отцовъ!.. Аллахъ предаетъ ихъ теперь въ наши руки... Да возвратитъ онъ наше наслѣдіе!..

Худощавый старый арабъ, съ головой хищной птицы, медленно встаетъ съ земли. Сверкая желтыми бѣлками глазъ, онъ бросаетъ братьямъ слова:

— Откуда вы? Что надо вамъ, язычники? Идите прочь, собаки!

Глаза монаха горятъ негодованіемъ: голосъ его дрожитъ:

— Мы требуемъ, чтобъ вы ушли отъ нашей обители и съ нашихъ береговъ. Мы слуги Божіи, а вы невѣрные и злодѣи. Богъ смятетъ васъ съ лица земли. Скоро, скоро, всѣ вы будете горѣть въ вѣчномъ пламени, вмѣстѣ съ вашимъ пророкомъ!

Сарацины вскакиваютъ съ земли; мрачные взоры сверкаютъ; раздаются бѣшенныя проклятія. Худощавый старикъ выхватываетъ изъ ноженъ кривую саблю и поднимаетъ надъ головой монаха. Онъ тихо, безъ крика и стона, падаетъ на дорогу, съ отрубленной головой. Съ проклятіями кидаются разбойники на другихъ братьевъ. Они безъ страха обратили взоры къ небу и шепчутъ слова псалмовъ. Молодой пѣвецъ,

сильнымъ ударомъ, сноситъ еще одну изъ головъ. Одинъ за другимъ, мученики падаютъ на землю. Ихъ головы катятся по землѣ, ударяясь о камни дороги, кровь льется ручьями на песокъ.

Крики и проклятія затихаютъ. Сарацины смотрятъ на обезглавленныя тѣла христіанъ. Глаза одной изъ головъ обращены къ небу, и въ нихъ кроткій укоръ.

Кругомъ вечерняя тишина, и въ ней слышится только однозвучный плескъ волнъ. И внезапно разбойники смущены безмолвіемъ вечерняго сумрака и кроткой, безропотной смертью пяти беззащитныхъ христіанъ. Старый арабъ съ головой хищной птицы говоритъ мрачно:

— Они хулили Пророка... Въ море ихъ тѣла!

Но никто не приближается къ обезглавленнымъ тѣламъ. Надъ ними воцарилось спокойствіе смерти. Сарацины молча уходятъ и по временамъ оглядываются на убитыхъ. И вдругъ раздается крикъ ужаса молодого пѣвца:

— Они встаютъ, встаютъ!..

Убійцы останавливаются и смотрятъ, безмолвно, скованные страхомъ. Въ голубомъ сумракѣ вечера одно изъ обезглавленныхъ тѣлъ поднялось съ земли и беретъ въ руки свою отрубленную голову. За нимъ другой, третій—и всѣ пять монаховъ, въ окровав-

ленныхъ одеждахъ, встаютъ съ земли и поднимаютъ свои головы. Одинъ за другимъ, медленно двигаясь, уходятъ обезглавленныя тѣла съ залитой кровью дороги и тихо идутъ въ горы къ своей обители. Какъ тѣни, они исчезаютъ въ вечернемъ сумракѣ...

Сарацины въ безумномъ страхѣ бѣгутъ вглубь деревни, съ дикими криками:

— Увы!.. Азраэль за нашими плечами!.. Горе намъ!.. Ангелы хранятъ ихъ жилище... Увы!..

Постепенно крики затихаютъ въ отдаленіи. Слышится лишь однообразный шумъ морского прибоя.

Въ монастырѣ тихо, какъ въ жилищѣ мертвыхъ. Колоколъ на башнѣ молчитъ. Братья, въ постоянныхъ молитвахъ, истомленные постомъ, ждутъ смерти. Какъ призраки, двигаются они въ своихъ бѣлыхъ одеждахъ по переходамъ и дворамъ монастыря и, въ слабомъ свѣтѣ лампадъ, склоняются у подножія алтарей. Пять обезглавленныхъ тѣлъ положены подъ плитами храма, и надъ ними мерцаютъ огни.

Альдо, блѣдный, въ мучительныхъ думахъ, бродитъ по монастырю. Отъ бѣглецовъ, укрывшихся въ обители, онъ знаетъ, что графъ Рольфъ собралъ войско и вышелъ на сарацинъ. Графиня въ замкѣ одна, окруженная опасностями, въ страхѣ. Быть можетъ, въ этотъ самый часъ ей грозитъ смерть или плѣнъ... Альдо съ тоской смотритъ на небо и молитъ Святого Георгія оградить своей свѣтлой рукой Адельгейду отъ враговъ, послать ей покой и надежду.

Въ своихъ грезахъ онъ видитъ ее одну, тоскующую, печальную. О, какъ хотѣлъ бы онъ охранять ее по-

кой, стоя на сторожевой башнѣ замка! Отъ сотенъ враговъ онъ бы защитилъ мечемъ Адельгейду... Но онъ монахъ, давшій страшные обѣты Богу. Альдо не смѣетъ покинуть обитель и взяться за оружіе. Онъ безсиленъ и можетъ только молиться за нее. И его измученная душа изливается въ молитвахъ.

Въ храмѣ затихли вечернія пѣснопѣнія. Настоятель, утомленный и печальный сидитъ въ креслѣ, погруженный въ размышленія о близкой смерти и судѣ Христовомъ. Въ храмъ входятъ два путника. Одинъ—въ простой одеждѣ слуги, другой въ бѣлой рясѣ монаха: капюшонъ скрываетъ верхнюю часть молодого лица. Странники упали въ ноги отцу Эрмогену и просятъ пріюта и защиты. Движеніемъ головы онъ выразилъ согласіе и указалъ братьямъ рукой на путниковъ. Альдо, молча и не глядя на нихъ, провелъ ихъ въ одну изъ опустѣвшихъ келій и вернулся въ храмъ, все думая объ Адельгейдѣ. Что ждетъ ее? Что ждетъ его?

Надѣясь найти отвѣтъ на мучительныя думы, онъ подходитъ къ высокому аналою, къ которому прикована цѣпью тяжелая книга. Онъ раскрываетъ священныя страницы. Взглядъ его падаетъ на слова:

Unaquaequae enim arbor ex fructu suo cognoscitur. Neque enim e spinis colligunt ficus; neque e rubo vindemiant uvam [1])... 2

[1]) Ев. Луки. VI. 44.

Что значитъ это? Не онъ ли, Альдо, тотъ терновникъ, что не дастъ плодовъ смоковницы? Или Адельгейда? Жестоко ея сердце! Какіе плоды дастъ оно?

Онъ закрываетъ книгу и снова открываетъ ее въ другомъ мѣстѣ и читаетъ:

Nisi granum frumenti ceciderit in terram et mortuum fuerit, ipse manet solum: sin vero mortuum fuerit, multum fructum adfert [2])...

Страшныя слова! Для того, чтобъ возросли многіе плоды, нужна смерть, гибель! Гибель тѣла или души? Или же гибель тѣла спасетъ душу?..

Qui odit animam suam in hoc mundo, ad vitam aeternam custodiet eam...

— Ненавидящій душу свою въ этомъ мірѣ, сохранитъ ее въ жизни вѣчной,—повторяетъ въ мысляхъ Альдо. Полный тревожныхъ думъ, онъ хочетъ молиться. Но онъ чувствуетъ, что его душа опустѣла, точно дуновеніе бури унесло изъ нея всѣ молитвы. Смущенный, произнося безсознательно святыя слова, уходитъ онъ изъ храма. Можетъ быть, въ тишинѣ келіи онъ найдетъ спокойствіе души.

---

[2]) Ев. Іоанна. XII, 24.

Сквозь высокое окно, серебряный свѣтъ луны озаряетъ одну изъ стѣнъ келіи, узкое ложе, столъ и грубую скамью. На стѣнѣ — изображеніе Святого Георгія. Альдо хочетъ преклонить предъ нимъ колѣна. Но близъ священнаго изображенія онъ видитъ пришельца монаха, безмолвнаго, неподвижнаго, и Альдо говоритъ ему:

— Помолимся вмѣстѣ, братъ мой!

Не отвѣчая, пришлецъ сбрасываетъ съ головы капюшонъ. Альдо видитъ предъ собой синія очи Адельгейды и ея золотистые волосы, обрѣзанные коротко до плечъ. Онъ долго смотритъ на нее, потомъ отступаетъ, въ ужасѣ осѣняя себя знаменьемъ креста. Нѣтъ сомнѣній, злой духъ въ образѣ Адельгейды пришелъ смутить его. А она протянула къ нему руку и сказала своимъ звучнымъ голосомъ:

— Насъ окружаютъ сарацины. Насъ убьютъ, можетъ быть, въ эту ночь, можетъ быть, завтра... Я

2*

пришла умереть вмѣстѣ съ тобой, Альдо!.. Я утомилась въ пути. Я хочу пить...

Альдо старается не слышать ея слова и шопотомъ говоритъ заклинанія, отгоняющія духовъ тьмы.

Графиня коснулась рукой его плеча:

— Я хочу пить, Альдо. Или ты жалѣешь для меня вина?...

Знакомый съ дѣтства голосъ проникъ въ его сердце. Онъ пристально взглянулъ въ лицо графини:

— У меня нѣтъ вина, Адельгейда... Вотъ вода.

И, взявъ со стола глиняный сосудъ съ водой, онъ поднесъ къ ея губамъ. Графиня сдѣлала нѣсколько глотковъ и сѣла на бѣдное монашеское ложе. Она такъ смотритъ въ глаза Альдо, будто хочетъ взять чрезъ нихъ его душу:

— Три года я не видала тебя... Но ты былъ всегда со мной, Альдо... Ты сталъ очень красивъ, хотя твои волосы обрѣзаны такъ коротко... Зачѣмъ ты не воинъ! Зачѣмъ ты здѣсь, среди безумныхъ? Какъ груба твоя одежда!..

Молодой монахъ, поднявъ голову, отступаетъ къ дверямъ кельи:

— Меня привелъ сюда Святой Георгій. Я былъ надъ бездной. Его рука указала мнѣ путь!.. Я забылъ обо всемъ, что за нашими стѣнами... Оставь нашу обитель!...

Адельгейда, лаская его взглядомъ, говоритъ ему тихо:

— Не лги, Альдо! Ты не забылъ меня... Помнишь, когда ты убилъ въ первый разъ птицу я заплакала, а ты сказалъ мнѣ, что стыдно плакать. Тогда ты былъ силенъ. Теперь ты слабѣе и ничтожнѣе женщины... Помнишь, какъ волны били нашъ челнокъ и мы спаслись отъ бури? Мы не знали страха. Помнишь, какъ бродили мы по скаламъ? У стѣнъ разрушеннаго замка я пѣла старыя пѣсни нашихъ дѣдовъ... Слушай, Альдо!

И она вполголоса запѣла пѣсню, сложенную на суровыхъ берегахъ, среди бурь и битвъ:

— Солнце встаетъ,
Вѣстникъ утра поетъ...
Съ твердой душой,
Сильные, бдите!
Подвигъ свершите
Тяжкой рукой!
Всѣхъ мечами рубить,
Кровью землю поить —
Вотъ ваша слава!..
Зову васъ отъ сна
Не къ чашамъ вина:
Ждутъ васъ забавы
Хильды жестокой...

Въ тишинѣ кельи, грозно звучатъ древнія слова. Брови Адельгейды сдвинулись; волосы поднялись вокругъ лба; синіе глаза смотрятъ строго и таинственно, точно очи сѣверной богини.

Альдо стоитъ предъ ней, безмолвный. На мигъ, кровь сильныхъ предковъ просыпается въ немъ. Его сердце потрясено грезами и воспоминаніями юношескихъ лѣтъ. Онъ не замѣчаетъ, что слезы текутъ изъ его глазъ. Въ лунномъ свѣтѣ слезы блестятъ на его блѣдныхъ щекахъ, какъ жемчужины. Адельгейда нѣжно отираетъ ихъ своей рукой:

— Будь снова мужемъ, не монахомъ!

Она заставляетъ Альдо сѣсть рядомъ съ ней и, любуясь имъ, говоритъ медленно, мечтая:

— Уйдемъ скорѣе, Альдо!.. Ты среди монаховъ, какъ благородное дерево среди кустовъ.. Уйдемъ! Монастырь спитъ... Мой слуга знаетъ горы... Ты снова станешь воиномъ, будешь поражать сарацинъ!.. Я найду шлемъ, достойный твоей головы, и крѣпкій панцырь... Твоя рука сильна. Для меня ты добудешь много золота и драгоцѣнныхъ тканей. Ты обѣщалъ мнѣ... Мы уйдемъ къ старому королю Рожеру. Онъ могучъ... Какъ буду я любить тебя, когда увижу снова на конѣ, съ мечемъ! Ты будешь прекрасенъ, какъ свѣтлый богъ, кидающій стрѣлы въ людей.

Альдо слушаетъ, и глаза его расширяются и блестятъ. Онъ встаетъ, выпрямивъ тонкій станъ, покрытый грубой монашеской одеждой. Въ мечтахъ, онъ видитъ золотые своды королевскихъ палатъ, толпы гордыхъ рыцарей, и онъ среди нихъ... Въ тѣни прохладныхъ садовъ, веселый пиръ; звонъ струнъ и радостныя пѣсни. Въ цвѣтахъ и жемчугѣ, улыбается ему Адельгейда, его будущая жена. Она похожа на свѣтлаго ангела въ златотканныхъ одеждахъ... Они идутъ, рука съ рукой, къ сіяющему огнями алтарю. Къ алтарю... Боже! О чемъ осмѣлился подумать онъ, монахъ, несчастный отступникъ!..

И въ порывѣ отчаянія, съ слезами горькаго раскаянія, онъ упалъ на колѣна предъ изображеніемъ Святого Георгія.

Видѣла Адельгейда, какъ загорѣлись отъ ея рѣчей глаза юноши и какъ потомъ внезапная мысль отторгла его отъ нея. Ея гордое сердце полно гнѣва. Склонясь къ Альдо, она сказала страшныя слова, внушенныя ей Адомъ:

— Безсильны молитвы, Альдо! Твой Богъ не слышитъ ихъ. Я за тобой пришла. И я возьму тебя у твоего Бога! Ты мой!

Въ смертномъ ужасѣ Альдо смотритъ на нее. Слова замерли на его устахъ. Онъ не слыхалъ еще такихъ

страшныхъ словъ. Въ дорогомъ ему образѣ, явился злой духъ, смущающій святое уединеніе келій. И, поникнувъ головой, Альдо зарыдалъ въ тоскѣ:

— О, за что это испытаніе мнѣ?.. И въ тѣ часы, когда близка смерть и судъ!.. Или мало молился я тебѣ, Святой Георгій! И тебѣ, Святѣйшая Дѣва Марія!

Скорбь Альдо тронула графиню. Она опустилась рядомъ съ нимъ на плиты, обняла рукой его шею и стала плакать вмѣстѣ съ нимъ. Онъ ощущаетъ ея близость, теплоту ея тѣла. Возлѣ него не обманчивый демонъ, а дорогое, близкое существо. Но онъ вспомнилъ ея ужасныя слова и, вставая съ колѣнъ, сказалъ ей строго и печально:

— Ты произнесла безумныя рѣчи!.. Принеси покаяніе, не медли. Грозный Судія караетъ грѣхъ. Страшенъ гнѣвъ Его!

Снова Адельгейда слышитъ отъ Альдо рѣчь монаха. Въ негодованіи, она прерываетъ его, сверкая очами:

— Не хочу покаянія и молитвъ! Ты здѣсь со мною... И я молилась твоимъ Святымъ. Они не слышатъ меня. Они безсильны! Я не хочу ихъ знать... Есть иные боги. Они давали побѣды мечамъ нашихъ дѣдовъ... Сила старыхъ боговъ во мнѣ; я слышу ихъ!.. Ихъ

руки на твоемъ сердцѣ. Они отдаютъ тебя мнѣ... Ты помнишь, Альдо? Я прислала тебѣ ларецъ; онъ былъ околдованъ. Ты взялъ его въ руки... Мальфрида открыла мнѣ страшныя тайны. И въ это утро она умерла... Я содрогалась, слушая ее, но теперь во мнѣ ея душа... И ты—мой, Альдо! Ты уйдешь со мной. Разрушится вашъ монастырь и храмъ. Стрѣлы боговъ низвергнутъ ихъ!

И она смотритъ на Альдо безумными глазами. Онъ простираетъ къ ней руки, съ мольбой, и пытается прервать ея рѣчи. Но Адельгейда словно бредитъ:

— Не будемъ медлить! Уйдемъ отсюда, Альдо! Я люблю тебя, какъ свои очи! Три года я думаю о тебѣ одномъ... Я не вернусь въ свой замокъ. Я ненавижу его!.. Я хотѣла извести графа и придти къ тебѣ... Мальфрида передала мнѣ свою силу... Я ушла изъ замка!..

Альдо съ ужасомъ чувствуетъ, что этотъ бредъ туманитъ его умъ. Адельгейда обняла его, и онъ не въ силахъ отстранить ее. Касаясь горячими губами его уха, она шепчетъ ему таинственно, какъ священную тайну:

— О, какъ сладки будутъ наши ночи! Отъ заката и до утренней зари... Какъ ты красивъ, Альдо!.. Зачѣмъ тебѣ далекій, холодный рай? Твой рай — на

моей груди!.. Твои святые позавидуютъ тебѣ, но не вырвутъ тебя изъ моихъ рукъ!..

Онъ едва слышно говоритъ, содрогаясь:

— Ты обвила меня, какъ змѣя...

Ея губы жгутъ губы Альдо; взоры ея туманятъ мысли. Сжимая его въ сильныхъ объятіяхъ, она положила голову на его грудь. Озаренные луной, ея золотистые волосы нѣжно коснулись его щеки. Онъ слышитъ ихъ ароматъ и трепещетъ въ ея объятіяхъ. Его руки, помимо воли, обнимаютъ Адельгейду. Страшно и радостно до боли.

Глубокій вздохъ вырвался изъ его груди. Онъ коснулся губами золотистыхъ волосъ. Все вокругъ него исчезло, кромѣ Адельгейды. Голова кружится. Свѣтъ луны меркнетъ въ глазахъ...

Среди безмолвія ночи послышался тихій стукъ въ дверь келіи. Печальный старческій голосъ призываетъ къ предразсвѣтной молитвѣ.

Альдо изъ объятій графини бросился къ дверямъ кельи и прислушивается. По плитамъ двора раздается удаляющійся стукъ сандалій настоятеля.

Озираясь кругомъ, какъ преступникъ, Альдо вышелъ во дворъ, освѣщенный послѣдними лучами меркнувшей луны. Издали доносится смутный шумъ моря. Въ небѣ печально догораютъ блѣдныя звѣзды. Три года.

обращая къ нимъ взоры, молодой монахъ забывалъ о землѣ и ея узахъ. Въ эту ночь онъ почувствовалъ на себѣ земныя узы.

Онъ страшится взглянуть на дверь своей кельи. Тамъ слышится ему тихій плачъ ангеловъ. Онъ идетъ поспѣшно въ храмъ. Предъ изображеніемь Святой Дѣвы въ небесной славѣ, Альдо на колѣняхъ молитъ Ее о милосердіи. Словъ нѣтъ въ его молитвѣ, лишь стоны сердца несутся къ Небу. Онъ хотѣлъ бы исчезнуть, уничтожиться, слиться съ пылью церковныхъ плитъ.

Утренняя заря залила яркимъ свѣтомъ храмъ и дворы монастыря. Его переходы наполнились шумомъ радостныхъ голосовъ. Поселяне принесли въ обитель новыя вѣсти: Сарацины разбиты графомъ Рольфомъ. Часть ихъ спаслась на лодкахъ въ море, другіе взяты въ плѣнъ.

На ступеняхъ алтаря, старецъ Эргоменъ склонился въ горячей благодарственной молитвѣ. Братья окружили его и помогаютъ встать съ колѣнъ. Увидѣвъ Альдо, онъ спросилъ его:

— Гдѣ юный братъ, что пришелъ къ намъ вчера?

— Въ моей келіи, едва слышно прошепталъ Альдо, опустивъ голову и блѣднѣя; онъ чувствуетъ, что его кровь холодѣетъ.

— Онъ былъ вѣстникомъ нашего избавленія отъ невѣрныхъ, говоритъ радостно настоятель. Пусть придетъ онъ! Пусть молится съ нами и благодаритъ Бога и Святую Дѣву. Позовите!

Одинъ изъ братьевъ идетъ въ келію Альдо и вскорѣ возвращается въ храмъ. Вслѣдъ за нимъ, нетвердой поступью, входитъ вчерашній пришлецъ въ монашеской одеждѣ. Глаза, отуманенные тревогой и мукой души, смотрятъ, никого не видя; губы шепчутъ неслышныя слова; руки безсильно опустились, онъ едва идетъ.

Церковь озарена радостнымъ утреннимъ свѣтомъ. Лампады и свѣчи уже зажжены на алтарѣ, убранномъ розовыми лиліями.

Увидѣвъ вошедшихъ, настоятель поднялся съ кресла и простеръ къ нимъ руки съ радостнымъ призывомъ:

— О, юный братъ! Тебя привелъ къ намъ Святой Георгій, какъ вѣстника нашего избавленія... Наши силы ослабѣли въ бдѣніяхъ и постѣ. Но мы жаждемъ молитвъ! Пусть же сегодня великое служеніе Богу совершится твоими руками.

Альдо, сдерживая крикъ ужаса, пораженный, отступилъ отъ настоятеля. Адельгейда открыла уста, какъ бы для возраженія. Но старецъ продолжаетъ свою рѣчь. И его слова, какъ огненный дождь, падаютъ въ ея душу:

— Богъ, каравшій насъ за грѣхи, послалъ намъ тебя вѣстникомъ своей милости. Помолись ему за насъ! Ты видишь: все приготовлено для таинства.

Ты принесешь безкровную жертву Избавителю за всѣхъ насъ...

Адельгейда подняла безнадежный взоръ къ алтарю. Потомъ она взглянула на Альдо. На его лицѣ она прочла ужасъ предъ тѣмъ грознымъ неизвѣстнымъ, что должно свершиться здѣсь. Встрѣтивъ ея взоръ, Альдо закрылъ лицо руками, какъ ребенокъ предъ страшнымъ зрѣлищемъ. Едва слышный его стонъ долетѣлъ до Адельгейды. Въ немъ послышались ей слова минувшей ночи:

— Грозный Судія караетъ грѣхъ!..

Она возставала на грознаго всесильнаго Судію, проклинала его храмъ, призывала къ себѣ злыя силы. Онѣ обманули ее. Карающая рука привела ее къ алтарю, и здѣсь ждетъ ее невѣдомое страшное возмездіе. Ужели ея руки грѣховной женщины коснутся святого стола? Какія молитвы страшнаго таинства произнесетъ она?.. Небесный огонь надъ нею!..

Всѣ въ храмѣ, и монахи, и жители горныхъ деревень, въ тревожномъ ожиданіи. Отецъ Эрмогенъ съ удивленіемъ видитъ на лицѣ безмолвнаго пришлеца страданіе и тревогу. Старецъ тихо и торжественно повторяетъ свои слова:

— Мы хотимъ благодарить Избавителя!

Подъ сводами храма раздалось торжественное пѣнье.

небо и земля призываются къ прославленію Предвѣчнаго Отца. Послышался тихій звонъ цѣпей качающихся кадильницъ. Струи благовоннаго дыма потянулись въ высоту, къ золотымъ лучамъ утренняго солнца. Они падаютъ снопами изъ оконъ купола на алтарь.

Адельгейда снова посмотрѣла на Альдо, склонившагося къ землѣ; потомъ подняла глаза къ ослѣпительнымъ солнечнымъ лучамъ. Безсознательно она всходитъ на первую ступень алтаря. И вотъ ей слышится въ высотѣ таинственный шумъ многихъ крыльевъ и грозный ропотъ невѣдомыхъ голосовъ. Предъ ея отуманенными взорами, въ золотыхъ лучахъ солнца, возстаетъ сіяющій нестерпимымъ свѣтомъ прекрасный и грозный ликъ Святого Георгія...

Раздался крикъ предъ алтаремъ, стонъ тоски, прощанія съ свѣтомъ солнца и любовью. Адельгейда упала навзничь, раскинувъ широко руки. Ея синіе глаза обращены къ сверкающимъ лучамъ солнца. Замкнувшіяся уста скрыли ея послѣднюю тайну, унесенную съ земли.

Внезапно замолкли звуки хвалебныхъ гимновъ. Братья окружили алтарь и въ ужасѣ смотрятъ на умершую женщину въ бѣлой монашеской одеждѣ.

Альдо, блѣдный, какъ мертвецъ, приблизился къ

настоятелю. Склонясь къ его колѣнамъ, онъ въ стонахъ покаянія говоритъ о своемъ искушеніи и своемъ грѣхѣ. Выслушавъ его исповѣдь, старецъ обнялъ голову юноши и плачетъ вмѣстѣ съ нимъ...

ВОЛНЫ.

Источенная временемъ рукопись была въ моихъ рукахъ,—часть кодекса XIII вѣка. Молодой ученый, ушедшій отъ новой жизни въ глубь средневѣковья, прочелъ мнѣ отрывки стараго сказанья. Мы сидѣли среди развалинъ арабскаго замка, потонувшаго въ лаврахъ и букахъ, въ тиши заснувшаго навѣки города, надъ голубыми берегами Салернскаго залива.

И вотъ, эта повѣсть въ моемъ блѣдномъ пересказѣ.

Солнце опускалось за горы, когда Теодардъ Руфоло, въ сопровожденіи шести слугъ, вернулся въ свой дворецъ изъ монастыря святого Альферія. Длинныя тѣни черныхъ кипарисовъ протянулись по стѣнѣ, украшенной арабской вязью. Небо поблѣднѣло въ предчувствіи холодной ночи.

Старый синьоръ, въѣзжая въ высокія ворота, окинулъ орлинымъ взглядомъ дворъ. Его глаза ищутъ вдали образъ молодой жены. Вотъ появится она во входной аркѣ дворца, въ длинной парчевой одеждѣ, съ золотымъ обручемъ на темныхъ волосахъ. Но ее нѣтъ на ступеняхъ замка. На встрѣчу синьору вышелъ лишь его любимый оруженосецъ Алессіо, смуглый юноша съ гордыми глазами. Синьоръ Теодардъ бросилъ слугамъ поводья, а оруженосцу бережно передалъ даръ монастыря, золоченный ковчежецъ; въ немъ драгоцѣнная святыня: часть одежды святого.

Ни въ залахъ дворца, ни въ уединенной опочивальнѣ синьоръ Руфоло не встрѣтилъ жену. И въ его душѣ зажглась обида на ея холодную неблагодарность.

Двѣнадцать лѣтъ назадъ, или болѣе, онъ проѣзжалъ по морскому берегу послѣ бури. Возлѣ разбитой лодки вдова рыбака, рыдала и рвала волосы. Черноглазая дѣвочка тихо сидѣла на пескѣ. Утихавшія волны набѣгали на берегъ съ послѣднимъ ропотомъ. Старый синьоръ взялъ ребенка на руки, покрытыя кольчугой, и дѣвочка въ испугѣ заплакала. Онъ пожалѣлъ осиротѣвшихъ и далъ имъ пріютъ. Мать скоро умерла, а дочь выросла въ замкѣ Руфоло. Въ пустыняхъ далекой Сиріи синьоръ Теодардъ схоронилъ сына, а братъ и супруга почили подъ плитами храма. Дочь рыбака стала утѣхой одинокаго и нелюдимаго синьора. Его радовалъ ея веселый смѣхъ. Священникъ церкви святого Панталеона училъ ее читать и пѣть молитвы. Маленькая Кристина ходила въ дорогихъ одеждахъ, точно дочь синьора.

И ей досталась неслыханная честь. Годъ тому назадъ синьоръ Руфоло, подъ Рождество, назвалъ ее своей супругой. Но съ той поры угасла дѣтская веселость Кристины, ея смѣхъ затихъ. Осыпанная дарами мужа, она холодна и молчалива; всегда покорно опущены предъ нимъ ея длинныя рѣсницы.

Кристина,—его радость и утѣха, исчезла. Съ обидой думаетъ о ней старый синьоръ.

Кутаясь въ темный плащъ, онъ идетъ по длинному переходу въ капеллу дворца. Тамъ Кристина навѣрно. Кто-то тѣнью промелькнулъ на его пути въ полусвѣтѣ сумерокъ. Синьоръ узналъ оруженосца Алессіо и, удивленный, позвалъ его. Неохотно остановился Алессіо: онъ отнесъ въ капеллу даръ монастыря. Движеніемъ руки Теодардъ отпустилъ оруженосца. Онъ былъ его любимецъ, сынъ сарацина, убитаго по приказанію синьора Руфоло за нанесеніе раны слугѣ и за хулу на Святую Троицу. А сынъ убитаго, Али, былъ окрещенъ въ замкѣ и названъ Алессіо. Давно то было и давно забыто.

Дверь открыта въ капеллу. Она освѣщена послѣдними лучами зимняго дня. На колѣняхъ среди церкви, безмолвная и неподвижная, Кристина устремила взоры къ своду храма. Тамъ свѣтомъ лампадъ озаренъ ликъ юнаго Христа съ всевидящими очами, въ вѣчной славѣ. Его окружаютъ ангелы. Святыя дѣвы Кристина и Агаѳія, въ бѣлыхъ покрывалахъ, несутъ къ его стопамъ вѣнцы мученицъ. На золотомъ небѣ плывутъ алыя и лазоревыя облака.

Предъ святыми ликами Кристина скрылась отъ всѣхъ въ жаждѣ молитвы. Она не слышала шаговъ

супруга. Тихо подошелъ онъ къ ней и коснулся губами ея волосъ. Она вздрогнула, взглянула на него отуманенными глазами и быстро встала съ колѣнъ. Съ любовью смотрѣлъ на нее синьоръ Теодардъ. Потомъ спросилъ:

— Въ эти дни, когда я былъ у святого Альферія, что дѣлала ты безъ меня? Впервые твой супругъ покинулъ тебя надолго.

Смущенная, она блѣднѣетъ. Потупивъ взоры, она говоритъ едва слышно:

— Я читала святыя книги... Я молилась...

Успокоенный, онъ ей сказалъ:

— Это угодно Богу. Молись и за меня. Ты—мое дитя!.. Не буду нарушать твои молитвы.

И, коснувшись ласковой рукой ея щеки, онъ вышелъ изъ капеллы.

Горячо хотѣла бы она молиться за мужа и господина, за того, кто замѣнялъ ей отца. Какъ темный укоръ, смутилъ ее вопросъ: что дѣлала она? Еслибъ могла она забыть вчерашній вечеръ! Алессіо, ея любовь и мука, увлекъ ее отъ алтаря. Она ждала помощи съ небесныхъ высотъ, она говорила ему объ Адѣ, что ждетъ преступныхъ. Но ея Адъ и Рай закрыты душѣ Алессіо; въ ней не умерла вѣра его отцовъ. Благодѣтеля Кристины, стараго синьора Руфоло, онъ ненавидитъ. Онъ отлагаетъ месть за смерть отца лишь ради Кристины...

Любовь Алессіо, жадная, долго скрытая, зажгла и ее. Въ изступленіи страсти онъ искусалъ до крови свои губы; онъ плакалъ и стоналъ, словно раненый на смерть, умоляя не отвергать его ласкъ. Всѣ возраженія и мольбы Кристины таяли отъ огня его глазъ. Слезы его страсти жгли ей щеки. Теряя силы, она упала въ его объятія, въ тишинѣ опочивальни...

Снова въ душѣ она переживаетъ борьбу и мучительную радость его объятій. Она потонула, эта радость, въ укорахъ совѣсти. О, еслибъ совѣсть онѣмѣла. А страхъ передъ отвѣтомъ повелителю и супругу?

Со сводовъ храма мракъ спустился къ алтарю Въ желтомъ мерцаніи лампадъ, съ золотаго неба очи чистой дѣвы, громадныя и строгія, смотрятъ на грѣшницу. Въ тоскѣ, она думаетъ: какъ завиденъ жребій святой ея заступницы, не знавшей радостей любви!

Отъ ея взоровъ Кристина уходитъ изъ капеллы. Поспѣшно идетъ она въ темнотѣ, опираясь рукой о стѣну. И вотъ, нежданно, сильныя руки обвились вокругъ ея стана, горячія губы задушили крикъ испуга. Трепещущій страстью голосъ, шепчетъ ей на ухо превывистыя, безсвязныя слова любви.

— Безумный! Оставь меня! О, ты больно сжалъ мнѣ руки...

Она пытается отстранить Алессіо. Въ ея голосѣ онъ слышитъ слезы и укоръ. Онъ падаетъ къ ея ногамъ, обнимая колѣни.

— Прости!... Или, нѣтъ, убей меня! Я причинилъ тебѣ боль...

— Ты взялъ мою душу! съ отчаяніемъ говоритъ Кристина: терзай мое тѣло...

Мигъ забытья въ его объятьяхъ. Снова она пылаетъ въ ихъ огнѣ. Потомъ, она бросается отъ него, закрывая лицо руками...

При мерцающемъ свѣтѣ византійской лампы, сидя за ужиномъ, синьоръ Теодардъ видѣлъ блѣдность лица Кристины и непонятную тоску въ ея глазахъ. Она не прикоснулась ни къ мясу, ни къ вину. Съ нахмуреннымъ челомъ вышелъ старый синьоръ изъ за стола. Онъ взглянулъ случайно на Алессіо. Въ полумракѣ залы узкіе глаза юноши сверкнули тревожнымъ огнемъ. Полный смутныхъ сомнѣній, синьоръ Теодардъ остановился и долго смотрѣлъ въ глаза любимаго оруженосца. Но не нашелъ въ нихъ отвѣта на свои думы. И онъ медленно прошелъ въ опочивальню.

Не спалось ночью Теодарду Руфоло. Темные замыслы собирались въ тайникахъ его души. Утромъ онъ сказалъ Кристинѣ, коротко и сухо:

— Слѣдуй за мной.

По узкой лѣстницѣ, вслѣдъ за нимъ, она спустилась въ обширное подземелье. Оно вырублено въ скалахъ. Въ немъ холодъ и тишина гробницы. Своды и столбы едва освѣщены чрезъ узкія щели стѣнъ. Смущенная, въ тревогѣ, Кристина спросила дрожащимъ голосомъ:

— О, господинъ мой, зачѣмъ мы здѣсь?..

Не отвѣчая, онъ отворяетъ низкую дверь въ одной изъ стѣнъ. Жалобно скрипятъ петли. Съ усиліемъ старческія руки ото нули желѣзный заслонъ. Потокъ утренняго свѣта проникъ въ подземелье.

Передъ ними безконечная пелена синяго моря. Крутыя горы береговъ уходятъ въ сизую даль. Города и замки въ яркомъ свѣтѣ солнца бѣлѣютъ на ска-

лахъ. Синьоръ Руфоло взялъ за руку Кристину дрожащей рукой. Онъ подвелъ ее къ порогу открытой двери и проговорилъ глухо:

— Посмотри внизъ...

Она покорно наклоняется впередъ. За стѣною замка, въ далекой глубинѣ, сердитыя волны кидаются на отвѣсную скалу. Волны стремятся взлетѣть вверхъ, падаютъ и съ гнѣвнымъ ропотомъ бѣгутъ обратно въ синій просторъ моря.

Съ крикомъ ужаса, Кристина отстраняется отъ двери, ведущей въ бездну.

— Не бойся, говоритъ синьоръ Теодардъ, тебѣ не страшна морская глубина, пока ты опираешься на мою руку... Не бойся. Ты—мое дитя. Тебя мнѣ дали эти волны...

Держа ее за руку, онъ отступилъ отъ бездны и отвернулся. И внезапно остановился, пораженный. Предъ нимъ, сверкая глазами, стиснувъ зубы, стоялъ Алессіо, дрожа, какъ тигренокъ, что бросается на врага. Улыбка искривила губы старика. Не выпуская руку Кристины, онъ взглянулъ на оруженосца изъ подъ нахмуренныхъ бровей.

— Ты здѣсь? Чтобъ охранять супругу твоего синьора? Хвалю тебя, мой вскормленникъ. Ты также мое дитя...

— Да, я твой сынъ, мрачно и тихо сказалъ Алессіо. Меня дали тебѣ мечи твоихъ рабовъ, что изрубили отца...

Лицо его неподвижно, но въ темныхъ глазахъ лютая злоба. Синьоръ Теодардъ поникъ головой въ тяжелыхъ воспоминаніяхъ. Настало молчанье въ подземельи, томительное и тревожное. Онъ прервалъ его, указывая рукой на лѣстницу, строго и повелительно:

— Идите!.. Молись, Кристина! И ты. Алессіо, если у тебя есть молитвы... Завтра настанетъ великій день. Демоны исчезаютъ предъ силою родившагося Христа. Пусть бѣгутъ они отъ насъ... Идите!..

На верхнихъ ступеняхъ лѣстницы скрывается свѣтлая одежда Кристины. Оруженосецъ медленно слѣдуетъ за ней. Синьоръ Руфоло остался одинъ у двери, ведущей въ бездну. Предъ нимъ въ далекой глубинѣ волны кидаются на вѣчныя скалы, падаютъ и съ гнѣвнымъ ропотомъ уходятъ въ морской просторъ...

Они вышли изъ подземелья. Кристина сказала едва слышно:

— Воръ кара за нашъ грѣхъ. Она приближается къ намъ.

— О, нѣтъ! горячо воскликнулъ Алессіо, сжимая ея руки. И я вѣрю въ твоего Бога. Онъ добръ. За что намъ кара? Или мы не любимъ другъ друга?..

Онъ увелъ ее подъ тѣнь деревьевъ сада. Оттуда, съ горныхъ высотъ, виденъ безпредѣльный просторъ моря и береговъ, широкій Божій міръ. Скорѣе на свободу, изъ стѣнъ дворца, гдѣ старикъ готовитъ имъ невѣдомое мщенье. Они найдутъ пріютъ въ Амальфи; тамъ ненавистна власть нормановъ. Кристина слушаетъ горячія рѣчи Алессіо. Огонь его глазъ, нѣжный и сильный, повелѣваетъ ея душѣ. Всюду Кристина пойдетъ за нимъ... До ночи они скроются въ сторожевой башнѣ, у морского берега. Тамъ есть другъ. Они добудутъ лодку. Когда настанетъ ночь, морскія волны унесутъ ихъ далеко.

Въ своей капеллѣ синьоръ Теодардъ въ тяжкихъ думахъ. Предъ нимъ лики ангеловъ и святыхъ средь золотого неба, зеленыя пальмы и бѣлыя лиліи Рая. Онѣ выросли изъ капель святой крови мученицъ, пролитой на землѣ... Мысли старика стремятся къ высотамъ золотого неба. Тамъ нѣтъ любви людской, тамъ нѣтъ ненависти и крови. Средь ангеловъ съ сіяющими крылами тамъ покой и миръ. О, еслибъ открылись свѣтлыя небеса и для него! Онъ утомленъ долгой жизнью, грѣхами, кровью.

И, противъ воли, онъ снова думаетъ о смерти того сарацина, отца его оруженосца. Много крови пролилъ Теодардъ Рýфоло въ бояхъ, для торжества христіанской вѣры. Но слова Алессíо напомнили ему убійство несправедливое, жестокое, въ минуту гнѣва. И въ этотъ часъ не хотѣлъ бы онъ видѣть снова Алессіо. Нѣтъ, онъ пойдетъ къ Кристинѣ съ словами прощенія, какъ старый отецъ.

Молча бродитъ онъ по заламъ дворца въ тоскѣ. Кристины нѣтъ нигдѣ. Онъ спрашиваетъ слугъ, велитъ найти ее, сказать ей, что супругъ ее ждетъ...

На склонѣ дня синьоръ Теодардъ выѣзжаетъ изъ дворца. Одинъ изъ слугъ видѣлъ, какъ вышли изъ города по дорогѣ къ морю двое путниковъ, закутанныхъ въ плащи; онъ узналъ Алессіо. Взявъ съ собой двухъ слугъ, синьоръ ѣдетъ на поиски, полный гнѣвныхъ думъ. Въ его душѣ было прощеніе. Но преступные его не захотѣли. Наказаніе будетъ грозное, неумолимое. Лишь онъ одинъ властенъ карать и миловать.

За скалами береговъ скрылось солнце. Лучи заката залили золотомъ весь небосклонъ. Надъ моремъ тихо плывутъ въ небѣ облака, пурпурныя и сизыя. Смотритъ на нихъ синьоръ Теодардъ, и въ его мысляхъ снова свѣтлый Рай ангеловъ и святыхъ его храма. Лучи золотого неба касаются его души. И въ немъ пробуждается желаніе снова быть въ храмѣ, гдѣ отблески Рая, гдѣ тишина души. Тамъ въ канунъ великаго дня горячія молитвы понесутся отъ земли къ свѣтлымъ высотамъ. Синьоръ Руфоло найдетъ бѣглецовъ и вернется въ замокъ къ ночной службѣ.

Въ раздумьи ѣдетъ онъ по морскому берегу. Рыбаки поспѣшно убираютъ сѣти и возвращаются въ свои лачуги. Поблекло золото небосклона. Грозныя тучи плывутъ съ сѣвера. Безпокойно волнуется море и бросаетъ на песокъ сѣдую пѣну.

Уединенная башня охраняетъ берегъ отъ морскихъ набѣговъ. За ея стѣной, среди высокихъ камней, таится лодка; здѣсь скрылъ ее Алессіо. Скоро взойдетъ луна. Они покинутъ берегъ, они будутъ далеко, неразлучные навсегда. Скоро! Бурныя волны не страшны имъ...

Нежданно изъ ночнаго мрака передъ бѣглецами предсталъ синьоръ Теодардъ. Сквозь тучи скользнулъ голубой лучъ луны и серебритъ его длинную бороду и шлемъ. Загадочно смотрятъ ввалившіеся глаза старика. Въ тоскѣ и ужасѣ Кристина замерла предъ своимъ повелителемъ и супругомъ. Алессіо схватился за мечъ. Живымъ онъ не отдастъ себя врагу. Кристина умретъ съ нимъ вмѣстѣ.

Медленно подходитъ къ нимъ синьоръ Теодардъ. Средь шума волнъ печально звучитъ его голосъ:

— Дитя мое, Кристина!.. Дѣти мои, вамъ ли бороться съ волнами? Буря поднимется ночью, волны разобьютъ лодку...

3

Рука Алессіо выпускаетъ мечъ. Кристина хочетъ говорить. Но синьоръ прерываетъ ее спокойно и непреклонно:

— Я господинъ вашъ и отецъ. И вотъ моя воля: ты, синьора Руфоло, и ты, Алессіо, вернетесь въ мой дворецъ. Великая ночь наступитъ скоро. Молитесь въ храмѣ. Пусть радостно звонитъ колоколъ... Я же хочу посѣтить Раймунда, стараго друга; близко его замокъ... А завтра, когда взойдетъ солнце, вы возвратитесь на берегъ. Вы встрѣтите меня, мои дѣти!

Онъ смотритъ на нихъ ласково и печально. Онъ ждетъ отвѣта, но они безмолвны. Тогда простирая руку къ горнымъ высотамъ, гдѣ его замокъ, онъ говоритъ имъ строго:

— Спѣшите! Кони ждутъ васъ. Слуги пойдутъ за вами, пѣшіе. Я хочу быть одинъ... Спѣшите!..

Его голосъ дрожитъ. Въ немъ слышится гнѣвъ. Но рукой онъ посылаетъ прощальный привѣтъ Алессіо и Кристинѣ.

Они садятся на коней и по извилистой дорогѣ ѣдутъ въ горы. Скоро ночной мракъ скрываетъ ихъ отъ глазъ синьора Руфоло.

Средь тучъ лучи луны бѣгутъ къ пѣнящимся волнамъ. Съ трудомъ старый синьоръ притягиваетъ къ берегу лодку Алессіо и входитъ въ нее, опираясь на

свой длинный мечъ. Далеко отъ себя онъ бросаетъ весла; они ему не нужны. Потомъ онъ перерѣзаетъ мечемъ веревку лодки и ложится на ея дно, закрывая глаза. Его мечъ рядомъ съ нимъ. Съ шумомъ несутъ ликующія волны челнокъ далеко отъ прибрежныхъ камней.

Первые звуки Рождественскихъ колоколовъ раздаются среди горъ. Разростаясь, летятъ призывные звуки къ небу. Передъ закрытыми глазами Теоларда золотое небо; средь пальмъ и бѣлыхъ лилій смотрятъ на него очи чистыхъ дѣвъ и ангеловъ сіяющаго Рая. Въ шумѣ волнъ слышится небесное пѣнье.

3*

Исполняя волю господина и супруга, Кристина Руфоло и оруженосецъ Алессіо вернулись на берегъ моря въ Рождественское утро. Радостно сіяетъ солнце надъ утихшими волнами синяго моря. Онѣ искрятся и сверкаютъ вдали.

Долго ѣдутъ они молча по берегу. И вотъ, предъ ними, на пескѣ, средь морскихъ травъ и водорослей, тѣло Теодарда Руфоло. Волны принесли его на берегъ. Съ разметавшихся волосъ и длинной сѣдой бороды струится каплями вода. Глаза закрыты. Лицо полно свѣтлаго покоя.

ЗОЭ.

1.

Утро.

Среди сѣдыхъ оливъ, по скаламъ Капреи, шла легкою поступью молодая дѣвушка. Горячее, лѣтнее солнце обливало золотомъ ея простую бѣлую одежду, загорѣлое, дѣтское лицо и розовые цвѣты олеандровъ въ волнистыхъ кудряхъ. Спускаясь съ горы, она безотчетно обрывала цвѣты съ вѣтки, которая была у нея въ рукахъ, и бросала ихъ на своемъ пути.

Среди уединенія горной тропинки раздался тихій зовъ:

— Зоэ!..

Нежданный звукъ вывелъ ее изъ задумчивости; она остановилась, озираясь. На встрѣчу ей шелъ отъ морскаго берега молодой человѣкъ, въ темномъ хитонѣ, назвавшій ея имя. Худощавое лицо блѣдно и спо-

койно; широко открытые глаза смотрятъ пытливо и довѣрчиво. Движеніемъ руки онъ остановилъ ее:

— Къ печальному лицу не пристали цвѣты. Зоэ, скажи, какое горе у тебя? Твои глаза говорятъ о немъ.

Участье тронуло дѣвушку. Она обратила къ нему взоръ, отуманенный тоской, и промолвила:

— Боги отвернулись отъ меня, Гипатій! Они меня любили прежде... Ты знаешь-ли? Часто, купаясь въ тѣни скалъ, я видѣла сиренъ; привѣтливо кивая головами, смѣясь, онѣ бросали въ меня пѣну волнъ. Я различала ихъ голоса. Въ рощѣ Афродиты по ночамъ я слышала пѣніе дріадъ; онѣ перекликались съ соловьями... Теперь, боги отвернулись отъ меня. Я такъ несчастна, съ той поры, какъ...

Она умолкла, опуская длинныя рѣсницы.

— О, говори, моя Зоэ! Что тебя печалитъ? Гипатій взялъ ее за руку, ласково глядя ей въ глаза. Поникнувъ головой, она промолвила нерѣшительно:

— Меня томитъ тайна. И никому я не смѣю открыть ее, ни матери, ни подругамъ; онѣ злыя... Ты не похожъ на всѣхъ, Гипатій. Ты молодъ, а сѣдой жрецъ Афродиты веселѣе тебя. Но со мною ты не строгъ, Гипатій. Знаю, ты проводишь дни и даже ночи въ пещерѣ какого-то бога; я боюсь даже при-

близиться къ тѣмъ скаламъ. Но, конечно, ты узналъ тамъ невѣдомое для другихъ. О, помоги мнѣ!.. Пять дней тому назадъ, не болѣе, мы плясали съ подругами предъ виллой Кесаря у моря. Тамъ были римляне, тѣ, что приплыли на кораблѣ вмѣстѣ съ племянникомъ стараго Тиберія. Среди нихъ одинъ... Онъ смотрѣлъ на всѣхъ, какъ Фебъ...

Глаза ея загорѣлись въ воспоминаніяхъ. Она продолжала:

— Облокотясь на подушки онъ поднялся на ложѣ, снялъ съ головы вѣнокъ и бросилъ мнѣ. Точно рабыня, я нагнулась, и подняла цвѣты съ земли. Я убѣжала, унося его красныя розы на груди. И вотъ съ тѣхъ поръ мнѣ нѣтъ покоя... Днемъ я брожу, точно во снѣ. А ночью, кто-то, невидимый мнѣ, говоритъ на ухо тихія слова. Простираю руки, бѣгу за нимъ,—онъ исчезаетъ... Я коснусь рукою моего тѣла, и пальцы обжигаютъ меня, словно во мнѣ течетъ огонь... Мать бранитъ меня: я тревожу ея сонъ..

Она затихла, безпомощно опустивъ руки, неподвижная, точно изваяніе Любовной Тоски. Розовые цвѣты увядали въ ея кудряхъ, подъ горячими лучами солнца, окружая ее сладкимъ ароматомъ.

Нежданное признаніе... Въ душѣ Гипатія жалость борется съ болью обиды. Какъ часто, въ безсонныя

ночи, онъ цѣловалъ, въ мечтахъ, большіе глаза и волнистыя кудри Зоэ. Но онъ не смѣлъ сказать о томъ ей, беззаботной и рѣзвой дѣвочкѣ. И вотъ, она стала женщиной; она томится отъ любви. Этотъ римлянинъ, бросившій ей вѣнокъ, кто онъ? Онъ взялъ ея душу и забылъ о Зоэ. Пусть она не видитъ его болѣе. Пусть тоскуетъ дни, мѣсяцы, а не долгіе годы, когда онъ покинетъ ее послѣ минутной любви.

Нѣжно, какъ старшій братъ, Гипатій взялъ ее за руку. Она встрепенулась и стала разсказывать, печально и довѣрчиво, какъ хотѣла она просить помощи у сиренъ, въ ихъ пещерѣ, гдѣ воды зелены, какъ листья винограда. Изъ глубокихъ щелей скалъ смотрѣли ихъ очи; но онѣ не смѣялись и ничего не сказали Зоэ. Лишь волны тихо колыхались, какъ груди морскихъ дѣвъ. И она вернулась на берегъ въ печали:

— Потомъ, я вспомнила, какъ милостива Афродита. Въ ея храмѣ служила прежде моя мать. Старый жрецъ знаетъ меня... Въ это утро я отнесла въ жертву богинѣ моихъ красивыхъ птичекъ. Жаль было убить ихъ, и я ихъ выпустила передъ жертвенникомъ. Онѣ быстро скрылись въ облакѣ; оно еще покрывало гору. Скажи, Гипатій, приметъ Афродита мою жертву?

Добрая улыбка освѣтила его лицо. Онъ отвѣтилъ:

— Твою богиню я не знаю. Мой богъ иной. Не ходи въ храмъ на вершинѣ горы. Не проси помощи у сиренъ. Зеленыя дѣвы увлекутъ тебя въ глубину водъ и ты не вернешься на землю... Близко полдень. Пойдемъ къ моей матери. Ты укроешься у насъ отъ зноя. На время ты забудешь свои печали.

Зоэ съ сомнѣніемъ покачала головой. Молча, пошли они по дорогѣ, залитой горячимъ свѣтомъ. Надъ ихъ головами, съ ограды садовъ, свѣшивались лозы и густыя сѣти цвѣтовъ, алыхъ, блѣдно лиловыхъ, розовыхъ. Какъ солнечные брызги, сіяли на скалахъ желтые цвѣты спарціумовъ. Среди тонкихъ травъ, склонили головки красные маки, утомленные палящими лучами. Золотой воздухъ полудня полонъ аромата, горячаго и опьяняющаго. Зоэ остановилась у стѣны виллы, ослабѣвая отъ зноя. Она отбросила рукой волосы отъ лица и смотритъ на аметистовую даль моря, искрящуюся серебромъ. Въ ослѣпительномъ свѣтѣ утра скалы совсѣмъ бѣлыя; на ихъ уступахъ, сады дремлютъ у стѣнъ мраморныхъ виллъ. Розовыя облака уснули надъ моремъ, на небосклонѣ.

Тяжело дышетъ грудь дѣвушки подъ ея хитономъ. Задумчиво, не глядя на спутника, она говоритъ:

— Все вокругъ, цвѣты, и оливы, и море, все изнемогаетъ; такъ жгучи поцѣлуи Солнца. Взгляни: и

горы, тамъ за морскими волнами, томятся въ огненныхъ объятіяхъ бога. Его поцѣлуи сожгутъ меня. О, я страшусь его!

Гипатій слушалъ, не сводя съ нея глазъ, тронутый и умиленный. Потомъ онъ сказалъ, медленно и торжественно:

— То богъ могучій. Имъ все живетъ и движется. Когда онъ скрываетъ свой ликъ, на землѣ сонъ и смерть. Отъ его взора снова возрождается жизнь...

— Ты служишь этому богу, въ пещерѣ среди скалъ? — воскликнула Зоэ: О, если такъ велика его сила, я пойду къ нему, хоть мнѣ и страшно...

— Ты пойдешь со мной, коротко отвѣтилъ Гипатій.

Молча, они продолжали путь, мимо виллы Юноны, одной изъ двѣнадцати виллъ Тиберія Кесаря. Ихъ воздвигъ на скалахъ острова мрачный повелитель міра, надѣясь среди голубаго моря найдти убѣжище измученной вѣчными тревогами больной душѣ.

Рядъ колонъ отдѣляетъ отъ дороги высокую террасу. Въ тѣни богатаго навѣса двое молодыхъ людей подошли къ мраморнымъ периламъ и смотрятъ на море и далекіе берега. Тотъ, что стоитъ впереди, въ длинной узорчатой туникѣ, положилъ руку, покрытую браслетами, на плечо другаго. Молодое, утомленное пороками лицо, тонкія сжатыя губы, раз-

сѣянный взглядъ недобрыхъ глазъ изъ подъ низкихъ бровей.

— Уйдемъ! Это Кай, тотъ, что будетъ Кесаремъ послѣ Тиберія, проговорила вполголоса Зоэ. Она сдѣлала шагъ и внезапно остановилась, склонясь къ плечу Гипатія. Движеніемъ головы она указала ему на террасу:

— Онъ! Это онъ!..

Рядомъ съ Каемъ юноша въ тонкомъ, какъ паутина, желтомъ хитонѣ. Въ алой тѣни аулэи, его красивое лицо, окаймленное пышными кудрями, кажется лицомъ отрока, но большіе темные глаза безстрастны и холодны. Зоэ замерла, какъ предъ видѣніемъ божества. Заглушая въ сердцѣ ревнивую досаду, Гипатій увлекъ ее съ собой. Они прошли у подножія стѣны, обвитой плющемъ.

— Онъ не смотритъ на меня! . Онъ — Фебъ!.. И въ отчаяніи Зоэ срываетъ съ себя розовые цвѣты, увядшіе на солнцѣ, бросаетъ ихъ на землю и отталкиваетъ ногой въ обрывъ:

— Цвѣты богини! Я ненавижу ихъ!.. Не хочетъ она помочь мнѣ. Я не пойду въ ея храмъ. О, какъ Зоэ несчастна! Онъ не взглянулъ на меня!.. Гипатій, ты говоришь, твой богъ могучъ и добръ? Приведи меня къ нему!..

Гипатій, держа ее за руку, пошелъ съ ней рядомъ мимо сада виллы и храма Юноны. Тихо и убѣжденно, онъ говорилъ дѣвушкѣ:

— Нѣтъ сильнѣе бога. Онъ милостивъ. Его взоръ даетъ силу душѣ людей.

II.

Поцѣлуй солнца.

Въ темносинемъ небѣ гаснутъ звѣзды.

Побѣждая страхъ, Зоэ слѣдуетъ за своимъ другомъ къ святилищу его Бога. Пустынная дорога по скатамъ горъ привела ихъ къ узкой лѣстницѣ, вырубленной въ скалахъ. Среди кустовъ, плющъ и вьюнки оцѣпляютъ ея края. Съ поворота дороги видно море, еще окутанное мракомъ ночи у высокихъ береговъ. Далеко за водами залива спятъ извилистыя горы, идущія къ Пестуму, спокойныя, голубыя.

Морская даль розовѣетъ, отражая небосклонъ. Въ нѣжномъ серебрѣ лучей горитъ утренняя звѣзда. Надъ обрывомъ между скалъ, спускающихся къ морю, Гипатій остановился передъ высокимъ сводомъ пещеры и сказалъ вполголоса:

— Вотъ храмъ моего бога... Подождемъ здѣсь.

И, опустивъ глаза въ благоговѣніи, онъ тихо говоритъ ей о вѣчноюномъ богѣ. Въ пустынной пещерѣ на невѣдомой звѣздѣ онъ родился отъ Дѣвы; ея имя — Огонь Любви. Предъ родившимся склонились Луна и Утренняя Звѣзда, воспринимая отъ него сіяніе. А онъ, на быстрыхъ коняхъ, помчался среди облаковъ. Разгоняя мракъ и зло, онъ свершаетъ свой небесный путь. Его слуги ненавидятъ зло...

Слушая тихія рѣчи, Зоэ со страхомъ смотритъ въ глубину пещеры, полная ожиданія. Подъ сводомъ скалъ, поросшихъ плющемъ, изображенія геніевъ съ факелами охраняютъ входъ. Изъ глубины пещеры, изъ нѣдръ горы, вѣетъ холодъ. Въ слабомъ свѣтѣ лампадъ, мужчины и женщины, собравшіеся въ храмѣ въ бѣлыхъ одеждахъ, неподвижны и безмолвны, какъ призраки. За ними, въ глубинѣ широкая завѣса. Колеблющееся пламя жертвенника освѣщаетъ сіяющее золотомъ изображеніе на темной ткани: юный богъ, попирая колѣномъ могучаго быка, вонзаетъ мечъ въ его горло; изъ раны льется потокъ крови.

Загадочные образы смущаютъ Зоэ, но она не въ силахъ своимъ вопросомъ нарушить безмолвіе храма. Внезапно сверкнули золотыми искрами изображенія на завѣсѣ, и она заколыхалась. Отодвигая ее рукой, вышелъ сѣдобородый старикъ, съ высокимъ челомъ.

Влача за собой складки длинной одежды, онъ прошелъ мимо жертвенника, среди склонившихся предъ нимъ головъ, и остановился подъ сводомъ скалъ, глядя на востокъ.

Изъ за далекихъ голубыхъ горъ летятъ по небу золотыя стрѣлы, лучи предвѣстники свѣтлаго бога. Старикъ простеръ къ нимъ руки. Зоэ услышала чуждые, гортанные звуки его голоса:

— О, непобѣдимый, вѣчноумирающій, вѣчновозрождающійся, тысячеокій!.. Вотъ, снова мы увидимъ твой ликъ!

Ликъ Солнца еще скрытъ отъ людей, но пурпурный разсвѣтъ изгоняетъ ночныя тѣни изъ пещеры. Небо объято розовымъ пламенемъ; окаймленныя золотомъ легкія облака сіяютъ надъ свѣтлыми горами далекихъ береговъ.

Въ тишинѣ утра радостно зазвенѣли голоса птицъ. Съ дыханіемъ вѣтра ароматъ цвѣтовъ, покрывающихъ скалы, поднимается къ храму. Въ ослѣпительныхъ лучахъ еще невидимаго свѣтила исчезаютъ сизыя горы. Потоки сіяющаго золота покрываютъ небо и море. И, затмѣвая весь разлитый надъ землею свѣтъ, возстаетъ на небосклонѣ сверкающій ликъ вѣчноюнаго и непобѣдимаго Солнца.

Къ нему стремятся молитвы и благоговѣйныя мысли

собравшихся въ пещерѣ; руки простерты въ безмолвномъ обожаніи. Зоэ, точно впервые, видитъ лучезарное божество. Полная смутныхъ и радостныхъ надеждъ она восторженно слушаетъ таинственныя слова жреца:

— Могучій богъ!.. Онъ живетъ и въ волнахъ моря, и въ виноградныхъ лозахъ, и въ сердцѣ людей. Знающіе его сольются съ нимъ... Вездѣ его сила, гдѣ его лучи. Но не всегда свѣтелъ его ликъ. Въ иные дни онъ красенъ, какъ кровь. Грозенъ непобѣдимый богъ! Кто устоитъ противъ его лучей!..

Взявъ изъ рукъ Гипатія блестящую чашу, старикъ надъ обрывомъ скалъ льетъ въ пропасть вино. Произнося загадочныя слова, онъ приноситъ въ жертву солнцу виноградный сокъ, рожденный его лучами, подобный крови человѣка.

Въ тайникахъ горы слышится глухой ропотъ тамбуриновъ. Среди тоскующаго воркованья флейтъ, рѣзкій металлическій вопль прорѣзался, какъ крикъ отчаянія. Онъ угасъ въ новыхъ торжественныхъ звукахъ флейтъ, свѣтлыхъ и побѣдныхъ.

Отдаваясь нежданному очарованью звуковъ, Зоэ повторяетъ въ душѣ слова жреца о божествѣ, дающемъ силу и блаженство. Она чувствуетъ, что побѣдоносная сила Солнца нисходитъ въ ея душу съ его лучами. Полная благодарности, она протянула къ

небу руки, всѣмъ существомъ призывая къ себѣ свѣтлаго бога. До нея долетѣли прерывистыя слова старика:

— Въ тебѣ жизнь!.. Всепроникающій, побѣдитель, Митра!..

И онъ умолкъ, приникая къ землѣ. Среди наступившаго безмолвія, порой лишь вздохъ взволнованной груди, подавленный крикъ благоговѣйнаго восторга. Гипатій, погруженный въ созерцанье, не слышалъ, какъ Зоэ прошептала ему на ухо, горячо и радостно:

— О, благодарю тебя, Гипатій!.. Какъ свѣтло! Я чувствую лобзанье твоего бога...

Она побѣжала вверхъ по ступенямъ горной тропинки, легкая, какъ серна. На мигъ она останавливалась, чтобъ срывать по краямъ дороги золотистые цвѣты. Унося ихъ съ собой она пошла медленнѣе. Напѣвая отрывистую пѣсню птички, она сплетала вѣнокъ изъ желтыхъ спарціумовъ и красныхъ маковъ.

На горахъ все радостно сіяло въ лучахъ животворящаго Солнца. Утреннія облака уплывали съ вершинъ и таяли. Пробужденная земля и ликующее небо обмѣнивались нѣжными лобзаніями. Опьяненные росой цвѣты посылали юному Солнцу свое благоуханье, какъ ѳиміамъ.

Сливаясь съ дыханіемъ пробужденныхъ цвѣтовъ,

Зоэ живетъ ихъ безсознательной жизнью. Въ ея умѣ теперь нѣтъ мыслей. Въ душѣ лишь одинъ образъ: обрамленное волнистыми кудрями лицо, безстрастное, какъ ликъ бога, гордые, равнодушные глаза подъ дугами густыхъ бровей. И обвивъ свой станъ алыми и золотыми цвѣтами, она спѣшитъ къ виллѣ Юноны, гдѣ вчера въ тѣни навѣса видѣла она римлянина.

Вилла пробуждалась отъ сна. У входной двери, Зоэ встрѣтила молодаго раба. Она сказала ему:

— Проведи меня къ твоему господину.

Теперь она безотчетно смѣла и спокойно ждетъ возвращенія раба. Вслѣдъ за нимъ, она вошла въ виллу, подъ зеленой сѣтью виноградныхъ лозъ, среди любопытныхъ взглядовъ. Не замѣчая роскоши мраморовъ и тканей, она видѣла издали лишь того, кто овладѣлъ ея душой.

Онъ лежалъ на цвѣтныхъ подушкахъ ложа, закутанный въ тонкую бѣлую тогу. Равнодушно онъ взглянулъ на дѣвушку, когда она остановилась передъ нимъ, полная утренняго свѣта и аромата:

— Ты хотѣла меня видѣть? Что тебѣ?..

Впервые Зоэ услышала голосъ римлянина, густой и звучный. На мигъ все потемнѣло въ ея глазахъ. Но спокойствіе сразу вернулось къ ней; она посмотрѣла ему въ глаза и сказала просто:

— Я хотѣла видѣть тебя. Вчера я проходила; ты даже не взглянулъ на меня.

Онъ усмѣхнулся небрежно:

— Не помню. Вчера былъ здѣсь Кай. Я тебя не видѣлъ. Здѣсь много женщинъ.

Зоэ гордо подняла голову:

— Я на нихъ не похожа... Я не рабыня.

Она смѣло смотрѣла на него горячими, сіяющими глазами. Римлянинъ подумалъ: Она права; она не похожа на женщинъ Азіи, Архипелага или Египта, наполнившихъ виллы Тиберія. Она свободна и горда. Прекрасны ея открытые глаза и волны темныхъ кудрей, и зыбкій мраморъ ея дѣтскихъ плечъ. И, съ своего ложа, онъ послалъ Зоэ привѣтственный знакъ рукой:

— Ты права... Какъ твое имя?

— Имя мнѣ Зоэ. На твоемъ языкѣ оно значитъ: жизнь. Такъ назвалъ меня жрецъ богини... Я не знаю, какъ зовутъ тебя.

Онъ улыбнулся, презрительно, и проговорилъ:

— Спроси рабовъ. Или, я самъ скажу тебѣ: мое имя Валерій. Наслѣдникъ Кесаря мнѣ другъ. Ты была въ Римѣ?

— О, нѣтъ! Я родилась здѣсь. Я не покину нашъ островъ. Здѣсь живутъ боги.

— Да, здѣсь живетъ богъ скуки, лѣниво промолвилъ римлянинъ, улыбаясь. Онъ взглянулъ на ея плечи, руки и станъ. Зоэ, въ смущеніи зардѣлась и опустила голову. Потомъ Валерій обвелъ взглядомъ рабовъ, стоявшихъ у стѣнъ перистиля. Они безшумно удалились. Только одинъ старый невольникъ стоялъ неподвижно, сложа руки на груди; его сѣдая голова рѣзко выдѣлялась на красной занавѣси двери. Сурово сдвинувъ брови, посмотрѣлъ на него Валерій. Старикъ укоризненно проговорилъ:

— О, господинъ! О, господинъ!..

Гнѣвно сверкнули темные глаза юноши; онъ поднялся на ложѣ и крикнулъ рѣзко:

— Уйди!

Рабъ медленно скрылся за дверью. Зоэ стало жаль его, и она сказала:

— Не гнѣвайся! Онъ старъ.

Римлянинъ съ удивленіемъ смотрѣлъ въ глаза дѣвушкѣ. Потомъ онъ весело разсмѣялся.

— Ты хотѣла меня видѣть. Смотри же. Еще что ты хочешь?

— Не знаю, тихо промолвила Зоэ: я хотѣла бы видѣть тебя часто, всегда, бродить съ тобою по горамъ... Я не знаю...

Въ радостномъ смущеньи она стояла передъ нимъ,

улыбающаяся, покрытая цвѣтами, взятыми у утренней зари. Валерій любовался ею; его темные глаза загорѣлись. Онъ проговорилъ горячо, протягивая къ ней руки:

— Ты дріада Капреи? Или сирена? Скажи...

Бѣлая ткань упала съ его плечъ. Обнаженный, какъ Фебъ Аполлонъ, онъ поднялся съ ложа. И, какъ передъ божествомъ, Зоэ смущенно опустила передъ нимъ глаза. Онъ привлекъ ее къ себѣ, обнимая обѣими руками. Полузакрывъ глаза, Зоэ довѣрчиво положила голову на его грудь и промолвила, едва слышно:

— О, мой Фебъ!

Съ трепетомъ въ сердцѣ она думала, что умретъ или же сольется съ вѣчноюнымъ Солнцемъ, дающимъ жизнь и блаженство.

III.

Ночные голоса.

Нигдѣ Гипатій не находитъ Зоэ, ни въ домѣ ея матери, ни на дорогахъ у виллъ Кесаря. Горькая тревога зрѣетъ въ его душѣ: быть можетъ она теперь въ объятіяхъ римлянина, Зоэ, свѣтлая мечта. Какъ спасти ее? Онъ, Гипатій, далъ своему божеству обѣтъ борьбы со зломъ. Онъ долженъ спасти ее.

День прошелъ. Утомленный и печальный, Гипатій возвратился въ виллу Юпитера, въ жилище отца, вольноотпущенника Кесаря. Едва коснувшись пищи, Гипатій ушелъ отъ матери въ виноградникъ. Сидя подъ сплетшимися лозами, въ тревожныхъ думахъ, онъ смотрѣлъ на смежный дворъ, едва освѣщенный восходящей луной. Тамъ, въ углу, собрались рабы; между ними идетъ разговоръ. Странныя рѣчи послышались Гипатію. Незнакомый голосъ, твердый и убѣжденный, разсказывалъ:

— Когда его распяли, свѣтъ померкъ среди дня. Земля содрогалась и трепетала, какъ подъ ударами невидимаго бича. Проконсулъ не находилъ покоя; эвмениды окружили его. А скоро прошелъ слухъ, что распятый покинулъ пещеру, гдѣ его схоронили. Видѣвшіе его говорили, что лицо его сіяло, какъ солнце...

Гипатій слушалъ, пораженный. Кто это, возставшій изъ смерти, подобно вѣчноживому Митрѣ? Ради кого померкъ ликъ Солнца?

Старческій голосъ продолжалъ необычайную повѣсть:

— Да, то мнѣ разсказывали люди почтенные... Кто бы повѣрилъ? На крестѣ онъ молился Богу іудеевъ за своихъ враговъ... А раньше, странствуя по ихъ землѣ, онъ говорилъ всѣмъ: не причиняйте никому ни вреда, ни смерти; любите всѣхъ. Богъ создалъ вселенную и людей. И всѣ люди его дѣти, братья другъ другу...

Пронесся возгласъ удивленія и недовѣрія: Всѣ люди братья!.. Какъ, и рабы? Кто осмѣлился сказать?..

— За всѣхъ, за всѣхъ, принесъ себя въ жертву Богу, Учитель Іудеи, продолжалъ твердо старческій голосъ: Съ больными онъ болѣлъ, страдалъ со страждущими. Любимый Богомъ, онъ добровольно при-

нялъ смерть. И своей жертвой онъ побѣдилъ Смерть. Не надо болѣе жертвъ Богу, надо лишь любить всѣхъ. Потому что всѣ люди братья...

Гипатій подошелъ къ бесѣдовавшимъ и спросилъ:

— Кто онъ?.. Кто его видѣлъ?

Незнакомый старикъ, съ темнымъ морщинистымъ лицомъ и кроткими глазами, отвѣтилъ ему:

— Я видѣлъ его однажды среди іудеевъ. Всѣ къ нему стремились, старики и юноши и женщины. Онъ смотрѣлъ на всѣхъ мудрыми очами, ясными, какъ свѣтъ луны. Я не могъ подойти; толпа меня оттѣснила... Я вернулся въ домъ проконсула.

Наступило молчаніе. Потомъ отецъ Гипатія сказалъ:

— Проконсула постигнетъ гнѣвъ Кесаря. Онъ хотѣлъ видѣть чудотворца Іудеи. Мы это знаемъ. Врачи не въ силахъ исцѣлить Кесаря. Разъ ночью, я слышалъ его стоны. Нѣтъ больше веселья вокругъ него.

Гипатій вышелъ изъ стѣнъ виллы. Ему тяжело стало слышать о гнѣвѣ Кесаря, послѣ словъ любви, принесенныхъ рабомъ изъ далекой, чуждой страны. Эти немногія слова наполнили душу необъятнымъ и необычайнымъ.

Съ отроческихъ лѣтъ его мысли стремились отъ

земли. Астрологъ Тиберія, Тразилласъ разсказывалъ ему про скрытыя въ звѣздахъ тайны людской судьбы и про сочетанія линій. Потомъ, онъ принялъ отъ жреца Митры заповѣдь терпѣнія, чистоты помысловъ и борьбы со зломъ. Пройдя чрезъ суровыя испытанія постовъ, лишеній и опасностей онъ увидѣлъ въ тайникахъ святилища обѣтованія радостной жизни послѣ земной смерти. Въ двадцать пять лѣтъ онъ сталъ служителемъ свѣтлаго бога, чуждый молодыхъ радостей, всегда задумчивый и спокойный. Нежданная тайна дѣвушки возвратила его къ земнымъ тревогамъ... Для Зоэ онъ всѣмъ бы пожертвовалъ, хоть жизнью, чтобы спасти ее отъ грядущихъ бѣдъ. Все—для нея! Но жертва за всѣхъ людей, за тѣхъ, кого не знаешь, за злыхъ и добрыхъ! Бредъ, безуміе!.

Луна высоко въ небѣ. Въ ея сіяніи Капрея погружается въ ночную тишину. Уснули горные вѣтерки, и вѣтви оливъ поникли неподвижно. Гипатій, пробужденный воспоминаньемъ, остановился у виллы Юноны. Здѣсь, два дня тому назадъ, вмѣстѣ съ Зоэ, онъ видѣлъ того римлянина, что отнялъ его мечту. Злоба, прежде незнакомая Гипатію, загорѣлось въ его душѣ. Какъ, и этого человѣка любить? О необъятное безуміе!..

Среди сонной тишины знакомые звуки долетѣли къ

нему съ террасы. То голосъ Зоэ, воркующій и нѣжный:

— Да, на нашихъ скалахъ воздухъ такъ сладокъ, что люди здѣсь забываютъ горести, что принесли съ собой... Мое горе родилось здѣсь.

Мужской голосъ отвѣтилъ, лѣниво роняя слова:

— Довольно о горестяхъ. Ты со мной; чего еще желаешь?

— Я хотѣла бы вѣчно быть съ тобой, едва слышно промолвила Зоэ.

Въ отвѣтъ раздался громкій смѣхъ:

— Вѣчно! Нѣтъ, моя прекрасная серна! Я не хочу вѣчнаго. Пусть каждый день приноситъ новое, иное, иныя радости. Когда же отпуститъ насъ Кесарь съ этихъ скалъ! И никто не смѣетъ спросить его...

Долгій сдержанный вздохъ Зоэ. Гипатій, не имѣя силъ уйдти, ждетъ съ тоской ея отвѣта. Она сказала, медленно и печально:

— О, мой Фебъ! Подари мнѣ твой кинжалъ, тотъ, что привезенъ издалека, изъ таинственной страны. Ты мнѣ разсказывалъ...

— Зачѣмъ тебѣ ножъ?

— Онъ такъ красивъ, я его хочу, заговорила горячо Зоэ: Никогда я не разстанусь съ нимъ. А если ты меня покинешь, я имъ убью себя.

Послѣднія слова она произнесла тихо и покорно. Въ отвѣтъ снова послышался презрительный смѣхъ:

— Возьми мой индійскій ножъ, если хочешь.

Разговоръ затихъ. Въ ночной тишинѣ слышатся лишь звуки поцѣлуевъ на террасѣ, безчисленныхъ, жаркихъ. Гипатій бросается въ сторону отъ стѣны, закрывая уши. Онъ хотѣлъ бы кричать, стонать. Съ отчаяніемъ онъ смотритъ издали на виллу, на ея ограду и колоны, ярко бѣлѣющія въ лучахъ луны. Звуки поцѣлуевъ не слышны болѣе. Тихо вокругъ.

И такъ, вотъ судьба Зоэ. Два дня любовныхъ утѣхъ прошли. Ихъ смѣнили думы смерти... Въ жаждѣ любви какъ радостно сіяли глаза Зоэ въ храмѣ Митры! Могучій богъ своими лучами озарилъ ея красоту и отдалъ въ руки римлянина. Жестокій богъ!

Съ мучительной тоской въ сердцѣ, медленно уходитъ Гипатій все дальше отъ виллы Юноны, полный думъ и воспоминаній о Зоэ. Она, гордая и свободная, у ногъ пришлеца. Скоро онъ ее покинетъ, смѣясь. Въ предчувствіи, она уже несчастна. Онъ далъ ей въ подарокъ ножъ. И Зоэ убьетъ себя.

Нѣтъ! Пусть умретъ не она, а тотъ, кто обрекаетъ ее на смерть. Его, какъ ядовитое чудовище, долженъ истребить слуга Митры. И Гипатій спѣшными шагами возвращается къ виллѣ Юноны. Довѣрчиво не за-

перта входная дверь. Онъ входитъ. Тишина въ саду и на террасѣ. Навѣрно, рабы уснули. На мгновенiе его смущаетъ мысль, что онъ безоруженъ. Да, но у него есть руки, сильныя, молодыя. Эти руки задушатъ римлянина, обезсиленнаго развратомъ. Какъ захрипитъ равнодушный красавецъ, когда его горло схватятъ мстительныя руки. О, радость увидѣть его мертвымъ!

Жажда борьбы загорается въ душѣ. Безшумно крадется онъ по ступенямъ лѣстницы на террасу. Среди подушекъ и ковровъ, на пятнистыхъ шкурахъ звѣрей лежитъ тотъ, кого Зоэ называетъ Фебомъ; онъ дремлетъ или спитъ. У его ногъ Зоэ сидитъ, обнявъ руками свои колѣна, вся свѣтлая въ серебряныхъ лучахъ луны, и смотритъ на синее небо. На грудь Валерiя она положила розы и, сидя у его ногъ, охраняетъ свое счастье, что скоро ее покинетъ.

Гипатiй остановился въ тѣни колонъ передъ спящимъ. Слабый шелестъ его сандалiй пробудилъ задумчивость Зоэ. Стремительно она встаетъ, преграждая путь. Губы ея сжаты, глаза гнѣвно горятъ: она поняла замыселъ Гипатiя. И онъ отступаетъ передъ ней со стономъ отчаянiя. Протянувъ руку къ спящему, она говоритъ, едва слышно, но неумолимо:

— Уйди! Онъ мой.

Закрывъ лицо руками, Гипатiй сходитъ съ лѣст-

ницы. Въ его душѣ тоска, стыдъ и отчаяніе. Онъ спѣшитъ уйдти отъ виллы Юноны, гдѣ Зоэ у ногъ римлянина. Она охраняетъ сонъ и жизнь того, кто для нея злой врагъ. И внезапно вспоминаются Гипатію слова, принесенныя изъ далекой Іудеи: любите и друзей, и враговъ. Всѣ люди братья... Любить враговъ! Кто могъ сказать эти безумныя слова? Кто тотъ Учитель, съ очами мудрыми и ясными, какъ свѣтъ луны? Онъ принесъ въ жертву свою жизнь за всѣхъ людей. И въ часъ его смерти, могучій Митра скрылъ свой ликъ. Или эти слова—не безуміе, а новая, еще неслыханная мудрость?..

По временамъ тѣнь кипариса или колоны преграждаютъ путь, освѣщенный луной. Въ безъисходныхъ думахъ Гипатій, не замѣчая пути, пришелъ на вершину горы къ виллѣ Юпитера. Въ глубокомъ снѣ строенія виллы, сады, безмолвная башня маяка и дворецъ Кесаря на утесѣ. На верхней террасѣ рядъ мраморныхъ изваяній уходитъ вдаль. Поднимаясь къ вершинѣ утеса, Гипатій смотритъ на нихъ, сквозь свои думы. Въ нѣжныхъ объятіяхъ сплелись три гибкихъ тѣла Харитъ, Селена, забывъ цѣломудріе, страстно обнимаетъ спящаго Эндиміона, Вакхъ въ бѣшеныхъ ласкахъ двухъ Менадъ поникъ опьяненной головой. А далѣе—Пасифая, пылающая любовью къ

прекрасному быку, Аполлонъ и раненый Гіацинтъ, Афродита, торжествующая надъ Аресомъ...

Въ серебряныхъ лучахъ луны мраморныя тѣла, извивающіяся въ страстныхъ объятіяхъ, кажутся Гипатію ожившими. Въ немъ растетъ смутный страхъ предъ богами похоти и жестокости, коварными и безпощадными. Дальше отъ нихъ! Но вотъ, среди нѣмой ночи слабый стонъ, Гипатій остановился въ тѣни изваяній, окаймляющихъ недоступную для всѣхъ верхнюю террасу дворца. Оттуда снова слышенъ стонъ, съ высокаго ложа. На немъ лежитъ Тиберій Кесарь; его голова склонилась на грудь, безпомощно повисли руки, взоръ устремленъ въ безпредѣльную ночь. Молодой барсъ спитъ въ ногахъ ложа. Тонкая струйка дыма отъ угасающей курильницы тянется къ лучамъ луны. И никого изъ людей близь Кесаря. На высотѣ дворца, между темными небесами и моремъ онъ одинъ. Тѣнь смерти бродитъ у его ложа.

Луна скрылась за тучами, терраса погрузилась въ мракъ. Гипатій медленно сходитъ съ утеса. Онъ думаетъ о тѣхъ мукахъ, что исторгаютъ стоны изъ груди Тиберія. Какъ слабъ всесильный Кесарь, наполнившій уединенную Капрею роскошью дворцовъ и забавами похоти. Одно лишь его слово даетъ людямъ счастье или обрекаетъ ихъ на гибель. А въ

часы ночи онъ, скрываясь отъ всѣхъ, стонетъ отъ страданій, какъ послѣдній рабъ подъ бичемъ. Какъ жалокъ Гипатію больной, страждущій старикъ, предъ кѣмъ міръ склонился въ страхѣ и стонахъ. Да, всѣ люди равны, какъ братья, передъ страданьями и смертью, и сильные, и слабые. Всѣ люди братья.

И снова слышится стонъ больного Кесаря, мучительный, жалкій. Издали, Гипатій оглянулся на дворецъ. Луна вышла изъ за тучъ, и потоки голубаго свѣта текутъ по мраморнымъ тѣламъ боговъ. И ему видится, будто мраморные боги объяты судорожнымъ трепетомъ. Опускаются ихъ гордыя головы, размыкаются страстныя объятія. Еще мигъ — и боги разбѣгутся, гонимые ужасомъ. Кто имъ внушаетъ ужасъ? Судьба, всесильная и надъ богами? Или иной Богъ, невѣдомый? Тотъ, Кто не хочетъ жертвъ...

Близко утро. Свѣтлѣетъ востокъ. Блѣднѣетъ сіянье лучистыхъ звѣздъ. Расходятся ночныя тѣни.

IV.

На скалахъ.

Скрывая мучительный недугъ, Тиберій Кесарь поднялся съ ложа, не опираясь ни на чью руку. Онъ отпускаетъ своихъ гостей, называя каждаго по имени. Какъ всегда, гордо откинута назадъ его курчавая голова. Отъ чрезмѣрныхъ усилій, широкое лицо покрылось пятнами сквозь бѣлила. Среди сладострастныхъ картинъ на стѣнахъ экседры, Кесарь стоитъ, неподвижный, на розахъ, покрывшихъ мозаики пола. Въ шитой золотомъ цвѣтной одеждѣ, въ зеленомъ вѣнкѣ, онъ смотритъ угасшими глазами на окружающихъ, какъ мертвецъ, убранный для погребенія. На шагъ позади Кесаря высокій ликторъ съ безстрастнымъ лицомъ.

Кай низко склонилъ голову къ рукѣ дяди Тиберія. На мгновеніе въ потухшемъ взорѣ старика блеснула горечь и безсильная досада. Ввалившіяся губы сло-

жились въ тоскливую усмѣшку. Онъ проговорилъ глухимъ голосомъ:

— Будь счастливъ, милый Фаетонъ! Я воспиталъ тебя для Рима...

Потомъ обративъ взглядъ на Валерія, смиренно опустившаго глаза, онъ протянулъ ему руку для поцѣлуя:

— И для тебя, юноша, будетъ мѣсто въ колесницѣ Фаетона. Слѣдуй за нимъ...

Валерій поцѣловалъ холодную руку Кесаря и отошелъ къ выходу, обдумывая его слова. Конечно, Тиберію вѣдомы тайны звѣздъ. И вотъ онъ предрекаетъ своему ничтожному наслѣднику конецъ Фаетона. Но все же сынъ солнечнаго бога, спалившій землю пожаромъ, смѣло пронесся въ небѣ на коняхъ отца, поражая ужасомъ людей. На колесницу Кайя Кесаря взойдетъ съ нимъ вмѣстѣ и его другъ Валерій. Невѣдомо грядущее: въ чьи руки перейдутъ потомъ бразды коней.

И, высоко поднявъ голову, Валерій прошелъ среди завистливыхъ взглядовъ отроковъ и дѣвушекъ, одѣтыхъ лишь цвѣтами. Уродливый карликъ, въ полосатой яркой одеждѣ, опустился къ ногамъ Валерія и, кривляясь, привѣтствовалъ его:

— Будь счастливъ!.. Не забудь и меня, твоего раба!

4

Юноша съ презреньемъ взглянулъ на урода, но не сказалъ ни слова. Шутки карлика не разъ рѣшали, въ мысляхъ Тиберія, смерть и жизнь людей.

Вслѣдъ Валерію шутъ крикнулъ:

— Корми Дракона! Голодна змѣя Кесаря. О, дивная великолѣпная змѣя!..

— Кесарь кормитъ изъ своихъ рукъ любимую змѣю, холодно отвѣтилъ карлику Валерій. И онъ подумалъ: Или шутъ, подобно своему господину знаетъ тайны людской судьбы? Змѣя Кесаря?.. Часто притворная улыбка тонкихъ губъ Кайя казалась Валерію улыбкою змѣи. И такъ совѣтъ шута полонъ мудрости.

Проходя чрезъ опустѣвшій перистиль, Валерій увидѣлъ Кайя. Та же улыбка на губахъ, брови непривѣтливо сдвинулись, взглядъ блуждаетъ, точно никого не видя. Съ тихой осторожной рѣчью, Макронъ, префектъ преторіанцевъ, согнулъ могучій станъ предъ наслѣдникомъ Тиберія. А въ сторонѣ, слѣдитъ за ними лукавыми глазами врачъ Кесаря Хариклесъ, ожидая призывнаго знака Кайя.

Валерій прошелъ мимо, не глядя на нихъ. Съ радостью онъ думалъ: Пусть работаютъ эти трое. Тиберію жить не долго...

За стѣнами виллы Валерія ждала Зоэ, въ дорогой

туникѣ, подаренной имъ, украшенная алыми розами. Она встрѣтила его горячей мольбой: Тѣсно ей въ стѣнахъ виллы; на высотѣ, надъ моремъ просторъ; здѣсь, въ вечерней прохладѣ, они будутъ вдвоемъ, далеко отъ всѣхъ, забывая горести и скуку.

Улыбаясь своимъ надеждамъ, Валерій шелъ вслѣдъ за Зоэ по уединенной тропинкѣ на краю обрыва. На узкой лужайкѣ они легли на травѣ среди цвѣтовъ. Взоры Валерія стремятся къ сизымъ берегамъ залива у мыса Мизенума. Тамъ за ними, далеко, Римъ. Какъ ненавистенъ этотъ островъ, растилающійся у его ногъ среди синихъ водъ. Какъ наскучили виллы Кесаря и ихъ сады, пляски дѣвушекъ и юношей въ тѣнистыхъ рощахъ и забавы сладострастья, развлекавшія прежде дряхлаго Тиберія.

Зоэ прикасается губами къ рукѣ юноши. Чтобъ развлечь его, она будетъ плясать передъ нимъ. Во снѣ ее учили плясать нимфы рощъ; вмѣстѣ съ ними, она носилась въ ихъ хороводѣ по скаламъ, не касаясь земли.

Она радостно вскочила и начала плясать на травѣ среди золотистыхъ цвѣтовъ. Изгибаясь легкимъ станомъ, она то склонялась къ Валерію, то уносилась отъ него, кружась какъ мотылекъ, среди благоухающихъ кустовъ. И внезапно она замерла, полураскрывъ

4*

губы, поднявъ глаза къ небу. Лицо озарилось радостью, горячій взоръ зоветъ невидимое божество, улыбка полна загадочной ласки.

Валерій смотритъ вдаль. Его мысли далеко отъ Зоэ. Скоро мѣсто Тиберія, на высотѣ надъ міромъ, займетъ Кай, новый Фаетонъ. Хорошо знаетъ его нравъ Валерій и руками Кайя проложитъ свой путь. И вотъ, онъ префектъ преторіанцевъ, всемогущій въ Римѣ. А потомъ?.. Онъ видитъ себя средь Форума; золотой вѣнецъ Императора на его головѣ. Толпа привѣтствуетъ его и рукоплещетъ. Онъ—земной богъ.

Его глаза горятъ радостными мечтами. Не пытаясь проникнуть въ нихъ, Зоэ смотритъ на Валерія страстно отуманеннымъ взоромъ, любуясь имъ. Его красивое лицо нарумянено алыми лучами вечерней зари; въ глазахъ его сила. О, еслибъ вѣчно былъ съ нею гордый, равнодушный Фебъ! И съ мольбой, Зоэ смотритъ на небосклонъ, гдѣ разстается съ землей всесильное Солнце.

Переливами жемчуга сіяютъ далекія горы, свѣтлыя и прозрачныя. Въ блѣдномъ эѳирѣ плаваетъ золото облаковъ, и среди нихъ пламенный ликъ Солнца бросаетъ прощальные привѣтные лучи на горы и моря.

— Взгляни, говоритъ восторженно Зоэ: Какъ сіяетъ могучій богъ въ радостныхъ лучахъ!.. О, Вале-

рій, отрадно жить на нашихъ скалахъ, близкихъ къ небу...

Онъ отвѣтилъ, не глядя, небрежно:

— Тебѣ отрадно на горахъ, какъ дикимъ козамъ Капреи... О, тоска здѣсь!.. Самъ Кесарь изнываетъ отъ тоски. Вчера, для его забавы, я велѣлъ сбросить со скалъ раба въ море. Прежде Тиберій любилъ смотрѣть. Теперь ничто не разгонитъ его скуку: онъ даже не захотѣлъ взглянуть...

Съ ужасомъ Зоэ посмотрѣла на Валерія:

— Ты велѣлъ?.. И его бросили въ море?

— Да, предъ виллой Юпитера, стараго Пріама. Онъ потерялъ разсудокъ: думалъ, что онъ все еще мой пѣстунъ. Осмѣлился укорять меня, что я взялъ тебя къ себѣ.

Смутно вспомнила Зоэ сѣдаго раба у колоны атріума и робкій возгласъ: О, господинъ... Она задумалась и потомъ съ грустью и тревогой спросила!

— Не ради меня ты велѣлъ его убить?

Валерій съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее, презрительно покачалъ головой и разсмѣялся:

— Нѣтъ, клянусь Эросомъ! Не ради тебя, милая козочка! Какъ ты забавна!.. Будь спокойна: скоро я отпущу тебя.

Она вздрогнула и съ робкой мольбой сказала:

— Я не хочу, Валерій! Всюду я пойду за тобой.

— Даже вслѣдъ за триремой, что понесетъ меня въ Остію? проговорилъ онъ, съ злой улыбкой.

Съ тревогой въ душѣ Зоэ думала: Какъ жестоки его шутки! И все же нѣтъ силъ разстаться съ нимъ. Она склонила голову къ нему на грудь и сказала тихо и убѣжденно:

— Если ты не возьмешь меня на твой корабль, я брошусь въ волны. Я поплыву вслѣдъ за тобой. Руками я схвачусь за весла... Всюду за тобой...

Отстраняя ее, Валерій посмотрѣлъ ей въ глаза, съ усмѣшкой:

— Плыви вслѣдъ за триремой. Укрась себя цвѣтами. Ты понравишься тритонамъ: красивая дѣвушка и безъ рыбьяго хвоста. Имъ наскучили нереиды. А ты наскучила мнѣ, клянусь Поссейдономъ! Твои безумные глаза забавны. Довольно. Три дня ты со мною. Три дня!.. Прощай.

Голосъ его зазвучалъ сурово. Онъ поднялся съ земли на краю обрыва. Быстрымъ прыжкомъ Зоэ преградила ему путь, протягивая къ нему руки, въ отчаяніи:

— О, мой Фебъ! Я хочу быть твоей рабой...

Валерій презрительно пожалъ плечами:

— У меня много рабынь. Зачѣмъ мнѣ еще одна? Оставь меня!

Слезы потекли по щекамъ дѣвушки. Она упала къ его ногамъ. Прижимая къ груди складки его хитона, она тихо рыдала. Валерій съ досадой, отодвинулъ ее ногой:

— Оставь меня, говорю тебѣ! Можешь быть моей рабой. Иди въ виллу Юноны. Но, чтобъ я не видѣлъ тебя болѣе! Помни. Или я велю тебя сбросить съ твоихъ скалъ, вслѣдъ за Пріамомъ.

Онъ говорилъ сквозь зубы, рѣзко и грозно. Отвернувшись отъ Зоэ, онъ протянулъ ногу, чтобъ оттолкнуть ее съ пути. Она откинулась назадъ и заметалась на землѣ, какъ раненая птица. Цвѣты упали съ головы, волосы разметались по плечамъ. Потомъ она внезапно затихла и впилась взглядомъ въ лицо римлянина, искаженное злобой. Ей стало страшно. Онъ грозитъ ей смертью, онъ, ея Фебъ! Ей вспомнилась прошлая ночь, когда Гипатій приходилъ убить Валерія. Въ эту ночь она спасла его отъ смерти. Быстро поднялась она съ земли и заговорила безсвязно, въ безумной тоскѣ:

— Ты, ты!.. Меня убить!.. Нѣтъ! нѣтъ!.. Я сама...

Съ отвращеніемъ смотритъ на нее Валерій. Ея горящій взглядъ блуждаетъ, руки бродятъ вокругъ пояса, въ складкахъ туники. И внезапно въ ея рукѣ блеснулъ, сверкая изумрудами рукояти, индійскій ножъ, подарокъ Валерія.

Страхъ смерти овладѣлъ имъ: онъ безоруженъ, Зоэ убьетъ его. Протягивая руки, чтобъ схватить ее, онъ отступаетъ, безсознательно, передъ ней. Его нога скользитъ по сухой травѣ на краю обрыва...

Безумный крикъ разсѣкъ вечернее безмолвіе скалъ. На мигъ Зоэ увидѣла лицо, страшное, съ искривленнымъ ртомъ, съ безконечнымъ ужасомъ въ глазахъ. Это лицо, и простертыя къ ней руки, и бѣлый хитонъ Валерія исчезли. Еще одинъ, слабый и дальній крикъ, шелестъ разступившихся кустовъ на скалахъ, потомъ, далеко внизу, смутный и короткій шумъ на прибрежныхъ камняхъ у моря. И снова гишина вечера.

Зоэ неподвижна у обрыва. Застывшій взоръ устремленъ въ вечерній сумракъ. Правая рука, сжимая ножъ, опустилась въ складкахъ туники. Въ ушахъ звучитъ, непрерывно повторяясь, послѣдняя угроза Валерія: велю тебя бросить со скалъ... О, если бы взглянуть ей внизъ, въ бездну, на прибрежные камни. Но нѣтъ силъ приблизиться къ обрыву. Въ душѣ бродятъ смутные образы пережитыхъ ужасовъ, отрывки воспоминаній. И среди нихъ, какъ молнія, мысль:

— Его нѣтъ!

Нѣтъ болѣе Феба. Онъ ушелъ изъ ея души. Снова на мгновенье предъ Зоэ простертыя руки и бѣлый

хитонъ Валерія, искаженное лицо, ужасъ смерти въ обезумѣвшихъ глазахъ. То не лицо Валерія. Она закрыла глаза, содрагаясь отъ мысли увидѣть снова страшный образъ. Медленно отступаетъ она отъ обрыва, съ поникшей головой, безсознательно сжимая въ рукѣ ножъ.

Исчезли послѣдніе блѣдные лучи солнца. Горы потемнѣли. Все погружается въ голубой сумракъ, даль моря и береговъ. Благоуханіе золотистыхъ цвѣтовъ на скалахъ угасло въ вечерней темнотѣ.

V.

Жертва.

Красная струя льется изъ чаши жреца предъ восходящимъ солнцемъ. Гипатій слѣдитъ за струей, текущей въ пропасть, и думаетъ: плодъ лозы, подобный крови человѣка. Нужна ли богу, если онъ могучъ и благъ,—кровь? Это высшая жертва Митрѣ; не разъ таинственно говорилъ о ней старый жрецъ, и его глаза сверкали въ полутьмѣ святилища. Кровь человѣка... Радостно отдалъ бы Гипатій свою кровь божеству, лишь бы спасти Зоэ. Скоро, покинутая, она убьетъ себя. О, какъ увидѣть ее! Что ей сказать?..

И въ безконечныхъ, томительныхъ думахъ, онъ возвратился въ отцовское жилище. Тамъ мать разсказала ему про смерть Валерія. Никто не знаетъ, какъ онъ упалъ съ высоты. На зарѣ рыбаки подняли его разбитый трупъ на прибрежныхъ скалахъ. Кай не захотѣлъ видѣть тѣло друга. На отдаленномъ бе-

регу, у Мыса Сиренъ, онъ приказалъ воздвигнуть для него костеръ. О смерти Валерія не смѣютъ сказать больному Кесарю; онъ смущенъ грознымъ сновидѣніемъ.

Въ разсказѣ матери слышится Гипатію рѣшеніе всемогущей и таинственной Силы. Но чья рука столкнула Валерія со скалъ? То не Зоэ. Она убила бы себя, а не его. Гдѣ она? А если вмѣстѣ съ нимъ и она погибла, и море скрыло ее? Отъ ужасной мысли сердце холодѣетъ въ груди Гипатія... О, нѣтъ, нѣтъ! Зоэ жива. И онъ найдетъ ее.

И снова Гипатій обходитъ уединенныя тропинки и скалы. Вдали тянется къ небу дымъ костра Валерія. Быть можетъ, тамъ Зоэ, тоскующая, несчастная, рветъ свои волосы и стонетъ. Онъ идетъ къ Мысу Сиренъ. Но ее нѣтъ тамъ. На низкомъ берегу, у пылающаго костра одни лишь рабы, равнодушные, молчаливые. Не слышатся вопли скорби, не раздаются звуки трубъ, чтобъ не тревожить слухъ Кесаря.

Поднимаясь съ берега на скалы, Гипатій думаетъ: Исчезнетъ все то, что было. Съ прахомъ Валерія развѣется память о томъ, что красота Зоэ ему принадлежала. Лишь бы увидѣть Зоэ! Онъ ей разскажетъ свои муки и былыя мечты. Онъ не разстанется съ ней, никогда... Лишь бы она была жива!

И въ надеждѣ и тоскѣ громко зоветъ ее Гипатій. Вѣтеръ разноситъ его крики по скаламъ и морскимъ волнамъ. Кто скажетъ ему, гдѣ она? Зачѣмъ божество, или иныя, злыя Силы скрыли ее? И снова страшная мысль: Нѣтъ Зоэ среди живыхъ... Если она въ обители тѣней, то онъ проникнетъ за ней, чтобъ возвратить ее на земли. Отъ своего мудраго наставника, жреца Митры, онъ узнаетъ путь въ подземный міръ. А если двери Гадеса закрыты для живыхъ, то Гипатій умретъ, чтобы блѣдной тѣнью послѣдовать за нею въ вѣчное жилище.

Послѣдняя надежда, скрытая въ Вѣчности, сходитъ въ измученную душу. Но въ тревожномъ снѣ предъ нимъ неотступно Зоэ, то радостная, то блѣдная, съ помертвѣвшимъ взоромъ, съ разметавшимися кудрями. Пробуждаясь, Гипатій всматривается въ ночную тьму и тихимъ стономъ зоветъ Зоэ изъ мрака... О, скорѣе бы минула ночь! На зарѣ онъ вымолитъ у жреца таинственныя откровенія.

Привычнымъ путемъ спѣшитъ онъ къ пещерѣ Митры. Среди извилистой дороги, между двухъ высокихъ скалъ, предъ нимъ смутный призракъ женщины... Невольно останавливается предъ нимъ Гипатій. Потомъ съ трепетомъ подходитъ ближе и всматривается въ неясныя очертанія. Потокъ свѣтлой радости наполняетъ

его сердце. Онъ можетъ произнести одно лишь имя:

— Зоэ! .

И онъ повторяетъ его безъ конца, въ безумной радости.

Изъ подъ нависшихъ скалъ Зоэ идетъ къ нему. Впалые глаза ея горятъ, волосы спутались и покрыли плечи. Дорогая туника изорвана, какъ рубище. Долгимъ взлядомъ она смотритъ на Гипатія:

— Да, это ты... Ты назвалъ мое имя.

Голосъ ея дрожитъ; слова замираютъ, едва слышныя:

— Я скрывалась. А онъ все звалъ меня... Гдѣ скрыться отъ его зова? Я хотѣла уйти въ море, вслѣдъ за нимъ. Онъ преградилъ мнѣ путь... А потомъ, онъ все звалъ меня: Зоэ! . Зоэ! .

И, жалобно протягивая звуки, она подражала призывному крику. Въ невольномъ страхѣ предъ ея тайной, Гипатій прервалъ ее:

— О, не бойся! Я звалъ тебя, я тебя искалъ вездѣ. И вотъ ты со мной. Не страшись никого.

Она обратила къ нему глаза, печальные, недоумѣвающіе:

— Нѣтъ, это онъ меня звалъ. Развѣ я хотѣла его смерти, о боги безсмертные! Онъ растерзалъ мое

сердце, онъ сказалъ: велю рабамъ убить тебя. Я взяла ножъ, чтобъ умереть предъ нимъ. Тогда онъ отступилъ отъ меня, и... и...

Она закрыла лицо руками, ея голова закачалась. Потомъ, она схватила Гипатія обѣими руками, скрывая лицо въ его одеждѣ. Онъ услышалъ ея подавленные стоны и воскликнулъ:

— О, за что ты страдаешь?

Онъ хочетъ увести ее съ собой и уговариваетъ, какъ ребенка, нѣжно отстраняя съ ея лица спутанные волосы. Зоэ слушаетъ его, не понимая; ея взоры и мысли далеко.

— Идти съ тобой? Я пойду съ тобой, въ пещеру твоего бога. Да, онъ меня спасетъ. Онъ удалитъ враждебную тѣнь... Свѣтлый богъ!

Воспоминанія зажгли ея глаза. Движеніемъ руки останавливая возраженія, она стремительно пошла по узкой тропинкѣ среди скалъ и обрывовъ. Гипатій спѣшитъ за ней, шагъ за шагомъ, боясь снова разстаться съ ней. За поворотомъ лѣстницы, вырубленной въ скалахъ, предъ ними открылось море, освѣщенное вдали слабыми отблесками зари. Горы и берега еще въ предразсвѣтной дремотѣ.

Въ холодной глубинѣ храма, въ желтомъ свѣтѣ лампадъ, сіяетъ золотыми искрами изображеніе вѣчно юнаго бога. Полъ и стѣны украшены листьями и

цвѣтами. Поклонники Митры, римляне въ бѣлыхъ тогахъ, жители Капреи, женщины въ свѣтлыхъ одеждахъ, собрались въ пещерѣ съ вѣтвями цвѣтущихъ оливъ въ рукахъ. Въ тѣни свода, обвитаго плющемъ, Гипатій удержалъ за руку Зоэ. Она смотритъ въ глубину святилища жадно, съ мольбой.

Алая заря встаетъ, покидая море, и востокъ свѣтлѣетъ. Но фіолетовыя тучи грозной толпой собираются надъ задумчивыми горами, омрачая небосклонъ. Изъ средины храма слѣдитъ за ними старый жрецъ. Потомъ, обводя тревожнымъ взглядомъ окружающихъ, онъ говоритъ:

— Зовите бога! Всей силой души! Онъ скрылъ отъ насъ свой ликъ.

Простирая руки, собравшіеся въ храмѣ падаютъ на колѣна. Лишь Гипатій, неподвижный, стоитъ у входа въ тяжелой думѣ. Страданія и мысли послѣднихъ дней закрыли отъ его души образъ Митры.

Изъ нѣдръ горы тихое пѣнье, звуки непонятнаго языка, донеслись въ храмъ, какъ плачь души, стремящейся къ свѣту изъ глубины. Сквозь тоскующіе аккорды струнъ прорѣзался металлическій вопль,— крикъ отчаянія, и угасъ среди ропота тамбуриновъ. Запѣли флейты, въ предчувствіи свѣта и торжества. И снова Зоэ объята таинственными звуками.

Мрачныя тучи покрываютъ небосклонъ и печально темнѣетъ серебристая гладь моря. Душу стараго жреца волнуетъ борьба темныхъ тучъ со свѣтомъ, отраженіе міровой борьбы. Осѣняя окружающихъ движеніемъ руки, онъ смотритъ на нихъ загадочными очами провидца. Зоэ почувствовала на себѣ глубокій его взглядъ, зовущій душу. Покоряясь его власти, она жадно вслушивается въ прерывистыя рѣчи жреца.

— Зовите бога!.. Или среди насъ есть недостойные?.. Побѣдитель Митра ждетъ жертвы. Кто отдастъ ему въ жертву то, что всего дороже?..

Рѣдкіе волосы поднялись надъ лбомъ старика. Онъ охваченъ восторгомъ откровеній. Его голосъ дрожитъ:

— Отдавшій божеству свою кровь и жизнь, сольется съ нимъ... Блаженство! Слова не выразятъ его. Трепетъ супружескихъ ласкъ, поцѣлуй матери, радость побѣды, все скрыто въ золотыхъ объятьяхъ бога. Вѣчная радость!.. О, зовите его!

Въ душѣ Зоэ одна лишь мысль: объятья бога, сладкія, какъ были объятія Валерія Феба. Нѣтъ болѣе страданій. Вѣчная радость!.. И вотъ, передъ ея глазами, разсѣкая фіолетовыя тучи, блеснули лучи, золотые предвѣстники бога. Онъ посылаетъ ей свой

первый привѣтъ. Стремительно Зоэ подходитъ къ жрецу:

— Отдаю божеству себя, мою кровь и жизнь... Хочу его объятій!

Старикъ смотритъ на дѣвушку въ изодранной розовой туникѣ, съ разметавшимися волосами. Въ ея глазахъ ликованіе безумія. Да, она жаждетъ объятій бога. Жрецъ простираетъ руку надъ ея головой:

— Ты не была посвящена въ его тайны. Но милостивый Митра приметъ тебя.

И онъ кладетъ руку на волосы Зоэ нѣжно, какъ отецъ. Помощникъ жреца, въ вѣнкѣ изъ дубовыхъ листьевъ, скрывается за завѣсой въ глубинѣ святилища, озабоченный приготовленіями къ нежданному жертвоприношенію.

Гипатій въ ужасѣ бросается къ старому жрецу:

— Что ты хочешь, отецъ мой? Пощади!

Старикъ безмолвно смотритъ на небо восторженнымъ взоромъ. Гипатій пытается увести Зоэ, но она не узнаетъ его. Смутная улыбка бродитъ на ея губахъ; взглядъ прикованъ къ востоку. Тамъ, внезапно разсторгнувъ завѣсы тучъ, сверкающій ликъ Солнца разсыпаетъ лучи по небесамъ и морю. Разметавшіяся облака таютъ въ голубомъ воздухѣ. Снова Мракъ побѣжденъ. Море, скалы, усѣянныя цвѣтами, бѣ-

лыя одежды людей, все сіяютъ въ яркомъ свѣтѣ утра.

Дрожащей рукой старикъ показываетъ Зоэ на небо.

— Дитя! Побѣдитель улыбается тебѣ. Смотри!

Зоэ опьянена золотыми лучами юнаго Солнца. Глаза сіяютъ безумной радостью. Рука бродитъ въ складкахъ туники у пояса. Она нашла въ нихъ индійскій ножъ Валерія. На солнцѣ засверкали изумруды его рукояти. Не отводя взгляда отъ сіяющаго неба, Зоэ поднимаетъ руку съ кинжаломъ.

Внезапно Гипатій вырываетъ ножъ изъ ея руки. Какъ пробудясь отъ сна, смотритъ Зоэ ему въ глаза, безмолвно. Потомъ, медленно, она протягиваетъ руку къ кинжалу. Но Гипатій становится на краю пропасти и говоритъ ей, строго и спокойно:

— Еще одинъ твой шагъ, и ножъ въ моей груди, а тѣло тамъ, въ безднѣ.

Робко, съ безмолвной мольбой, Зоэ протягиваетъ къ нему руки. Вокругъ недоумѣніе и ропотъ. Служители храма съ гнѣвомъ говорятъ объ оскорбленіи божества, призывая прокдятія на отступника Гипатія. Старый жрецъ скрывается въ глубинѣ храма, замкнутый въ себѣ, опустивъ высокое чело.

Гипатій, у края бездны, видитъ предъ собою только Зоэ. Онъ обращается лишь къ ней одной:

— Здѣсь нѣтъ бога! Ты хочешь принести въ жертву Солнцу свою кровь. Но я себя убью взамѣнъ тебя. Ты видишь: ножъ у моей груди.

Каждое его слово врѣзается въ душу Зоэ, возвращая ее жизни. Ея грёзы исчезаютъ. Она улыбается жалко и кротко, какъ ребенокъ. Взоръ меркнетъ, глаза наполняются слезами. Еще мигъ, и Гипатій умретъ вмѣсто нея. Безъ словъ, ей стало понятно, что для него она дороже жизни.

И Гипатій прочелъ это въ ея глазахъ. Радостнымъ движеніемъ онъ поднялъ высоко надъ головой ножъ Валерія и бросилъ его въ пропасть, позади себя. Отходя отъ обрыва, онъ протянулъ руки къ Зоэ, счастливый и сильный. Тихо склоняется она къ нему. Въ ея взорѣ онъ видитъ снова чистую красоту души. И онъ говоритъ ей:

— Здѣсь нѣтъ бога. Уйдемъ! Солнце, моря и горы, созданіе иного Бога. Я еще не знаю Его, но Онъ зоветъ меня. Онъ такъ благъ, что Ему не надо жертвъ. Всѣ люди Его дѣти. Издалека идетъ къ намъ Его свѣтъ, ярче солнца...

Поклонники солнца, безмолвно разступились передъ Гипатіемъ. Онъ бросилъ послѣдній взглядъ въ глубину пещеры, гдѣ огни предъ изображеньемъ Митры меркнутъ въ свѣтѣ утра.

Взявъ за руку Зоэ, вмѣстѣ съ нею онъ вышелъ изъ подъ сѣни скалъ, нависшихъ надъ храмомъ. Въ нѣмомъ восторгѣ Зоэ смотритъ въ глаза Гипатію. Она полна тихой безпредѣльной радости, въ которой нѣтъ словъ.

И они пошли вдвоемъ вверхъ по ступенямъ горной тропинки.

МСТИТЕЛЬ.

I.

Лѣто Господне 1384. Въ седьмой день октября, въ Каффѣ совершалось освященіе новой башни. Во имя святого Ѳомы, воздвигнута она высоко на горѣ, на страхъ безпокойнымъ монголамъ, то союзникамъ, то врагамъ. Пьетро Гацано, достопочтенный консулъ Каффы, кастелланъ, члены совѣта и именитые граждане республики Генуэзской въ Хазаріи [1]) собрались на вершинѣ башни и въ ея ярусахъ. На увѣнчавшіе ее зубцы падаютъ брызги святой воды изъ рукъ епископа Захаріи. Священники поютъ громкую хвалу Богу Воинствъ, и она несется надъ кре-

[1]) Каффа — Генуэзская колонія въ Крыму, Ѳеодосія. Кастелланъ—комендантъ замка и укрѣпленій. Хазарія — названіе Крыма въ средніе вѣка въ Западной Европѣ.

стами храмовъ, башнями консульскаго замка, дворцами и домами, надъ грозными стѣнами, защищающими Каффу отъ степей и отъ моря. Сіяя серебромъ утренняго свѣта, море стелется къ подножію стѣнъ. Покорное и ласковое въ этотъ день, оно несетъ на волнахъ богатства народовъ, текущія чрезъ Каффу.

Радостные вопли трубъ, гулъ литавръ. Жезлоносцы и пажи консула открываютъ ему путь среди толпы. Сверкая на солнцѣ блескомъ парчей и яркими цвѣтами бархатовъ, торжественное шествіе сходитъ съ башни и возвращается въ соборъ святой Агнесы. Въ узкихъ улицахъ—тяжелый запахъ пряностей и благовоній Индостана и Тибета, мѣховъ и кожъ Литвы и Руси, соленыхъ рыбъ окрестныхъ морей, кавказскаго шелка, алыхъ генуэзскихъ суконъ. Вездѣ, подъ аркадами домовъ, и на площадяхъ, многоязычный говоръ пестрой толпы, собранной изъ далекихъ краевъ земли жаждой обогащенія. Рядомъ съ желтолицыми монголами, евреи и армяне съ хищными взглядами, персы и выходцы Кавказа; бронзовые и неподвижные, какъ идолы, индусы; славяне и добродушные готы изъ горъ Мангупа.

Среди волнующагося моря то жадныхъ, то безстрастныхъ лицъ, гордые генуэзцы Каффы полны спокойнаго сознанья силы. Забыты ихъ недавнія по-

тери въ войнѣ хана монголовъ съ русскими князьями, и гибель генуэзскаго отряда въ несчастной битвѣ. Побѣжденный союзникъ генуэзцевъ Мамай, бѣжалъ въ Каффу. Умертвивъ его, они стяжали дружбу его врага, хана Тохтамыша, и тотъ призналъ ихъ властителями всей Готѳіи, отъ Чэмбало [1]) до Каффы. Пусть народы и ихъ повелители воюютъ, истребляютъ города, продаютъ людей въ рабство. Все это на пользу Каффы. Торговые люди со всѣхъ концовъ земли оставляютъ по себѣ золотой слѣдъ въ ея стѣнахъ...

Шествіе подходитъ къ высокимъ дверямъ стараго собора. Онъ полонъ ликующихъ звуковъ. Снопы огней озаряютъ серебряныя изваянія и драгоцѣнные алтари. Гудятъ органы; колокола Каффы разносятъ въ воздухѣ рѣзкій звонъ, во славу ея матери, великолѣпной Генуи [2]), властвующей на моряхъ.

Раздвигая толпу, молодая женщина бросается къ ногамъ консула. Слегка наклоняясь къ ней, онъ смотритъ на ея блѣдное лицо. Большіе черные глаза, простодушные глаза ребенка, полны слезъ, руки протягиваются съ мольбой, голосъ звучитъ жалобно и отрывисто:

---

[1]) Нынѣ Балаклава.

[2]) «Genova la Superba».

— Пощадите! О, достопочтенный господинъ! Меня выгнали изъ дому. Умеръ мой отецъ, три дня всего... Мы были богаты...

Ея испуганный взглядъ бродитъ вокругъ и останавливается на кастелланѣ Алàонэ Лафранки.

— Вотъ этотъ господинъ послалъ своихъ слугъ, и меня выгнали... Домъ отняли... Отца всѣ знали: грекъ Ѳедоръ. А меня зовутъ Эвфимія... Защитите, господинъ!

Одинъ изъ секретарей, съ лукавой усмѣшкой, проговорилъ:

— Конечно, Ѳеодора всѣ знали. Онъ покупалъ и продавалъ невольницъ.

Высокій и статный, съ холодными и надменными глазами, кастелланъ Лафранки, проводя рукой по сѣдѣющей бородѣ, сказалъ, нахмуривъ брови:

— Грекъ Ѳеодоръ мнѣ остался долженъ. Я поступилъ по статутамъ... Двѣ тысячи золотыхъ лиръ... Дочь я не зналъ. Не хочу обижать женщину. Пусть придетъ въ мой домъ.

Эвфимія, взглядывая, то на консула, то на кастеллана, лепетала жалобно:

— Будьте милостивы!.. Или я умру... Пощадите!

Бросивъ короткій взглядъ на Лафранки, консулъ протянулъ руку дѣвушкѣ.

— Встань! Будь спокойна. Ты не будешь обижена. Каффа—храмъ правосудія [1])...

И, гордо поднявъ голову, вошелъ въ двери собора. Лафранки сказалъ Эвфиміи:

— Отвѣтъ свѣтлѣйшаго консула ты слышала. Будь спокойна, дѣвушка.

Ласковый взглядъ скользнулъ изъ подъ его рѣсницъ, и гречанка улыбнулась сквозь слезы. Вслѣдъ за консуломъ онъ вошелъ въ храмъ. Оттуда неслись густые звуки органа. Звонъ колоколовъ трепеталъ въ воздухѣ.

---

[1]) Историческая фраза, одного изъ консуловъ Каффы.

Проводивъ гостей послѣ долгаго ужина, Алаонэ Лафранки вышелъ на балконъ своего дома, чтобы освѣжить голову, отуманенную винами Хіоса и Кипра. Въ вечерней прохладѣ затихаетъ дневной шумъ города. Лишь, по временамъ, слышны оклики часовыхъ на башняхъ. Порою вѣтерокъ бросаетъ съ тихимъ шелестомъ листья платановъ на песокъ въ саду. Луна, разрывая тучи, поднимается въ небѣ, свѣтлая и холодная.

Кастелланъ опустился на восточныя подушки, отрадно утомленный торжественностью дня. Онъ самъ—участникъ силы и удачъ могучей республики, на далекой ея окраинѣ, на рубежѣ Востока и Запада. Не мало золота приносятъ въ его сундуки торговыя дѣла съ Персіей и Индіей. Въ его сильныхъ рукахъ новыя укрѣпленія Каффы, надежный оплотъ противъ дикихъ сосѣдей.

Среди самодовольныхъ думъ, ему послышалась пѣсня Женскій голосъ, печальный, какъ осенняя ночь, пѣлъ про горькую долю:

Ты схорони меня въ сырой могилѣ,
Надъ нею посади червонную калину,
Въ ногахъ лазоревы цвѣты...
Мой сынъ придетъ, нарветъ калины,
А дочь сберетъ лазоревы цвѣты...

Въ звукахъ пѣсни, унылыхъ, какъ безконечное однообразіе степей, была тихая покорность судьбѣ, надежда на горькое утѣшеніе въ смерти. Слова пѣсни не были понятны генуэзцу, но онъ зналъ о чемъ поетъ русская плѣнница. Печальные звуки вторгались въ душу, смущая ее. Въ досадѣ онъ всталъ, чтобы прервать пѣніе, и подошелъ къ оградѣ балкона. Но пѣсня внезапно умолкла. Снова наступила тишина свѣтлой осенней ночи, таинственная и печальная.

Заслышавъ неожиданно шелестъ шаговъ по ковру, Алонэ обернулся. Предъ нимъ появилась въ дверяхъ женщина, окутанная бѣлымъ покрываломъ. Онъ узналъ молодую гречанку, просившую въ тотъ день у консула защиты. Большіе глаза загадочно сверкали. Улыбаясь, она проговорила съ безпечной смѣлостью ребенка:

— Вы сказали, господинъ, чтобы я пришла въ

вашъ домъ. Да и гдѣ найти мнѣ пріютъ? У меня теперь нѣтъ дома.

Морщины неудовольствія исчезли съ лица кастеллана. Привѣтливо глядя на Эвфимію, онъ взялъ конецъ ея покрывала. Будто испуганная, она отступила отъ него и покрывало упало на коверъ. Любуясь ея тонкимъ станомъ, Ала́онэ сказалъ:

— Ты просишь пріюта въ моемъ домѣ? Подойди же!

Онъ грубо схватилъ въ объятія дѣвушку. Губы его дрожали, голосъ прерывался отъ волненія:

— Ты у меня останешься. Я дамъ тебѣ пріютъ, у меня, сегодня же. Я не обижаю женщинъ...

Гречанка смѣло смотрѣла ему въ глаза, совсѣмъ близко. Потомъ внезапно выскользнула изъ его рукъ и, быстро отступивъ къ оградѣ балкона, проговорила:

— Сегодня, въ домѣ вашемъ, я видѣла печальную женщину и ея сына, мальчика съ голубыми глазами. Она мнѣ говорила, что то сынъ господина кастеллана. Я думаю, что въ домѣ нѣтъ мѣста для Эвфиміи... Нѣтъ, нѣтъ!

Заскрипѣвъ зубами, въ гнѣвѣ, Ала́онэ впился ногтями въ шелковую подушку, попавшую ему подъ руку. Дѣвушка смотрѣла на него съ кроткой улыбкой, обнявъ рукою тонкую колонну балкона, Лафранки проговорилъ сквозь зубы:

— И все же ты отъ меня не уйдешь!.. И ты не пожалѣешь. Я добръ и ласковъ къ красавицѣ, такой, какъ ты, Эвфимія.

— Знаю, знаю, промолвила она безпечно: но я хочу подумать...

И, повторяя вполголоса послѣднія слова, стала развертывать свой длинный цвѣтной поясъ, съ важностью ребенка, погруженнаго въ занятіе,—то изгибаясь, то поднимая надъ головой полосу ткани, обвивавшей ея станъ, и пестрыя складки падали на коверъ вокругъ ея ногъ. Алáонэ, молча, слѣдилъ за движеніями дѣвушки, тяжело дыша. Когда въ рукахъ Эвфиміи остались оба конца пояса, она быстро обвязала однимъ изъ нихъ колонну, сбросила остальную ткань внизъ и, перескочивъ черезъ ограду балкона, спустилась по ней въ садъ. Насмѣшливо прозвучали ея слова:

— Я вернусь, вернусь! Когда уйдетъ изъ вашего дома та женщина...

И прежде, чѣмъ кастелланъ сдѣлалъ одинъ шагъ, Эвфимія скрылась за оградой. Алáонэ бросился къ периламъ, вслѣдъ за ускользнувшей добычей.

Среди деревъ сада, Эвфимія стояла въ холодномъ свѣтѣ луны. Послышался веселый ея смѣхъ, она послала рукой прощальный привѣтъ, и развѣвающіяся

складки бѣлой одежды скрылись въ темнотѣ сада. Лафранки въ бѣшеной досадѣ оторвалъ отъ колонны шелковый поясъ Эвфиміи и, сжимая его въ рукахъ, крикнулъ ей вслѣдъ:

— Я возьму, возьму тебя!...

Гречанка поселилась въ домѣ кастеллана. Ее пріютила у себя та печальная женщина, о которой она говорила Алаонэ.

Лѣтъ десять тому назадъ, кастелланъ купилъ у татаръ ихъ плѣнницу и за красоту взялъ ее къ себѣ. Наталія полюбила его и перестала тосковать по тихимъ берегамъ Дона. Забывая родной языкъ, она помнила лишь пѣсни своихъ степей. Годы шли и ея пѣсни становились все печальнѣе. Старѣя, Алаонэ дѣлался все болѣе замкнутымъ и холоднымъ. Красота Наталіи увядала, блекъ ея румянецъ; на лицѣ печальные годы оставляли слѣды горькихъ думъ — раннія морщины. Она искала утѣшенія въ молитвахъ и долгими часами скрывалась въ полумракѣ уединенной греческой церкви предъ родными ей изображеніями святыхъ. Сынъ Наталіи и кастеллана росъ среди пажей и слугъ. Никто изъ нихъ не смѣлъ назвать маленькаго Димитрія сыномъ господина Лафранки...

Ала́онэ ненавидѣлъ препятствія. Жажду обладанія Эвфиміей разжигали ея взгляды, то полные обѣщаній, то насмѣшливые. При его попыткахъ овладѣть ею силой, она ускользала отъ него, неуловимая. И, забывая гордость, Алаонэ рѣшился покориться женщинѣ и удалить навсегда постылую Наталію.

Въ холодное осеннее утро домоправитель кастеллана передалъ Наталіи приказаніе господина покинуть домъ и идти въ гавань. Тамъ галера, отплывающая на Босфоръ съ грузомъ пшеницы и невольниками. Наталія не хотѣла вѣрить, пыталась проникнуть къ Ала́онэ. Ее не пустили. Напрасны были горькія мольбы. Домоправитель передалъ ей кошелекъ съ золотомъ отъ господина, а отъ себя далъ совѣтъ покориться, а то въ ближней башнѣ, въ подземной тюрьмѣ, есть цѣпи и плети. Наталія вспомнила неволю у татаръ и умолкла. Съ нѣмымъ отчаяніемъ въ душѣ, она взяла за руку восьмилѣтняго сына и пошла вслѣдъ за слугою.

Проходя черезъ садъ, она остановилась, чувствуя на себѣ взглядъ, и обернулась. Изъ окна дворца смотрѣла на нее Эвфимія, тонкая и гибкая, какъ ребенокъ, рядомъ съ могучимъ Лафранки, закутаннымъ въ плащъ. Кастелланъ сдѣлалъ знакъ слугѣ, и тотъ грубо положилъ руку на плечо Наталіи. Она

вздрогнула, отстраняясь отъ прикосновенія, и крѣпко прижала къ себѣ сына. Указывая на него Алаонэ, она крикнула ему, въ тоскѣ:

— Придетъ твой часъ!.. Богъ разсудитъ!

Потомъ затихла и, поникнувъ головой, пошла вслѣдъ за слугою. Тотъ утѣшалъ ее: на галерѣ она не будетъ скована, какъ другіе невольники. Димитрій, испуганный, жался къ матери.

5

Эвфимія стала госпожей въ домѣ Лафранки. Суровый и непреклонный ко всѣмъ, онъ покорился своей новой страсти, сталъ безсиленъ предъ желаніями и прихотями гречанки....

Въ началѣ зимы вернулся въ Каффу одинъ изъ матросовъ той галеры, что увезла Наталію и ея сына. Лафранки призвалъ къ себѣ моряка, чтобы выслушать его разсказъ, подъ вечеръ.

Сперва ихъ плаваніе было спокойно. Но галера покинула надежную бухту Чэмбало въ злополучное утро. Вопреки совѣтамъ стариковъ, капитанъ галеры, уповая на святаго Іоанна, покровителя Генуи, смѣло вышелъ въ море. Послѣ полудня буря поднялась съ нежданной яростью, истрепала паруса, сломала мачты и бросило судно на скалы у береговъ. Матросъ спасся на пустынный берегъ. Что сталось съ другими онъ не знаетъ. Не всѣхъ невольниковъ успѣли расковать. Море было свирѣпо въ тотъ день.

Сидя на мягкихъ коврахъ, предъ бронзовой жаровней съ горячими угольями, Эвфимія перебирала въ рукахъ запястья и кольца, любуясь ихъ блескомъ. Безпечная и счастливая, она слушала разсказъ о гибели галеры, какъ сказку зимнихъ вечеровъ. Кастелланъ молчалъ, нахмуривъ густыя брови, опустивъ сѣдѣющую голову.

II.

Полна тишины узкая долина надъ моремъ. Съ двухъ сторонъ ее сжали высокія, темныя скалы. Выступая изъ голубыхъ волнъ, онѣ грозятъ небу острыми вершинами. Низкіе кудрявые кипарисы и дубы цѣпляются за уступы горъ. Среди нихъ, по скатамъ долины разсѣяны жилища изъ грубыхъ камней. Когда то мореплаватели греки, спасенные чудомъ отъ ярости моря, поселились здѣсь, посвятивъ себя Богу. Среди скалъ уединеніе наполнилось молитвами. И съ тѣхъ поръ, иногда уходятъ въ эту пустыню люди отъ шумныхъ грѣховъ міра...

Тихій вечеръ. Среди кустовъ, одѣтыхъ яркимъ пурпуромъ осени, сидитъ на камнѣ одинъ изъ обитателей долины, Іовъ, худой, сгорбленный старикъ въ черной одеждѣ. Возлѣ него, глядя вдаль, стоитъ Димитрій, сынъ кастеллана Каффы. Море поглотило мать и выбросило на берегъ сына на обломкахъ раз-

5*

битой галеры. Немногихъ утопавшихъ спасли отшельники у своихъ скалъ и приняли въ убогія жилища монастыря. Спасенные разбрелись потомъ далеко. Димитрій остался въ пустынѣ, въ жилищѣ Іова, подъ навѣсомъ скалы.

Давно забытое чувство отеческой любви проснулось въ сердце старика, и онъ сталъ отцомъ осиротѣвшему ребенку. Онъ училъ его молиться за страдающихъ въ неволѣ и за всѣхъ ввѣрившихъ свою жизнь морю. Подъ низкимъ сводомъ храма мальчикъ, слѣдя за дрожащимъ пальцемъ старика, научился читать. Прошли года, и Дмитрій сталъ силенъ и высокъ, какъ былъ его отецъ. Задумчивая печаль матери живетъ въ его ясныхъ глазахъ. Онъ помнитъ мать, взятую моремъ, и думаетъ о ней всегда. Часто, какъ сквозь сонъ, слышатся ему пѣсни, полныя унылаго однообразія степей...

Вечерняя заря густой волной разлилась по небосклону. Сизая туча медленно тянется надъ моремъ и уходитъ за темныя скалы мыса Фіолента. Розовое небо блѣднѣетъ, а земля погружается въ мракъ. Въ душѣ юноши бродитъ тревожная тоска: зачѣмъ суждено землѣ быть во власти мрака?..

Указывая на потемнѣвшія долины у мыса, вдали, онъ говоритъ Іову:

— Ты мнѣ разсказывалъ, что тамъ, надъ моремъ, убивали людей въ жертву демонамъ... Я забылъ. Прошу, разскажи мнѣ снова.

Старикъ взглянулъ въ его глаза, полные думъ. Потомъ, медленно и внушительно, сталъ излагать ему дошедшія черезъ вѣка сказанія о дѣвѣ жрицѣ Артемиды и о кровавыхъ жертвахъ въ ея храмѣ. Онъ говорилъ о мести сына за отца, убитаго женой измѣнницей, и о нестерпимыхъ страданьяхъ сына, казнившаго преступную мать. Измученный злыми духами, мститель приплылъ къ этимъ берегамъ. Изъ храма, облитаго людскою кровью, увелъ онъ съ собой сестру жрицу и, побѣдивъ опасности, вернулся въ свою страну, очищенный страданьемъ.

Жадно слушалъ Димитрій долгій разсказъ. Потомъ спросилъ старика:

— Какимъ демонамъ приносила дѣва людей въ жертву?

— Артемида было имя демона. Артемида скрывалась въ ночныхъ небесахъ. Она была дѣвственна и чиста, купаясь вѣчно въ свѣтлыхъ лучахъ луны. Но ея взоры убивали людей.

Димитрій не сводитъ глазъ съ просвѣтлѣвшаго небосклона. Послѣдніе отблески зари умираютъ въ широкихъ объятіяхъ блѣдной лазури неба. Радо-

стнымъ свѣтомъ горитъ надъ землей одинокая звѣзда, а съ безпредѣльной высоты луна, полная розоваго сіянія, смотритъ цѣломудренно и страстно на землю, объятую властью ночи. На темной поверхности водъ, безконечной полосой сверкаютъ брызги розоваго свѣта луны; сіяющій путь зоветъ въ безпредѣльную даль моря, въ далекія невѣдомыя небеса.

Въ свѣтломъ ликѣ луны, манящемъ взоры, Димитрію смутно видится таинственный образъ непобѣдимой красоты, нѣжной и жестокой, какъ красота демона, жаждущаго людской крови. Потомъ, изъ дали дѣтскихъ воспоминаній, въ его грезахъ встаетъ другой, туманный образъ злой красавицы, изгнавшей его мать на гибель. И эти образы сливаются въ одинъ, прекрасный и страшный. Съ лучами луны, онъ проникаетъ въ душу Димитрія, волнуя ее сладкимъ и мучительнымъ трепетомъ.

Словно объятый сновидѣньемъ, онъ говоритъ:

— Она подобна сіянію Артемиды—та женщина... Погибель въ ея глазахъ...

Іовъ осѣняетъ себя крестнымъ знаменіемъ въ ужасѣ. Много лѣтъ назадъ давно, онъ бѣжалъ въ пустыню отъ жестокихъ страданій, принесенныхъ ему женскою любовью. И теперь, въ старческомъ сердцѣ невольный ужасъ предъ таинственной, неотразимой Силой,

отдающей людей во власть Любви. Но онъ спасетъ Димитрія отъ лукавыхъ козней демоновъ, зажигающихъ сердца обманчивымъ огнемъ. Ими полна эта зеленая, радостная пустыня; отъ древнихъ дней, она въ ихъ власти. Надо скрыться въ иное уединеніе, мрачное, полное лишеній. Тамъ погибнутъ грѣховныя грезы и оживетъ духъ, торжествуя надъ искушеніями.

Успокоенный своимъ рѣшеніемъ, старикъ поднялся съ камня и, коснувшись рукой плеча Димитрія, пошелъ къ своему жилищу. Молодой отшельникъ медленно слѣдовалъ за нимъ, вдыхая всею грудью прохладу вечера и прислушиваясь къ сонному ропоту волнъ...

Ночью, онъ снова во власти тревожныхъ грезъ. Неясные образы окружаютъ его. Чьи-то глаза горятъ во тьмѣ и зовутъ къ себѣ. Женщина съ пламеннымъ взглядомъ и тихими рѣчами хочетъ взять его у матери. Но громко слышится вопль матери: — Богъ разсудитъ!—И пламенные глаза гаснутъ...

Димитрій пробуждается и долго не можетъ заснуть. Ему вспоминается разсказъ про древняго мстителя за отца. Да, справедлива месть за злое дѣло, великій подвигъ! Объ отомщеніяхъ повѣтствуютъ священныя сказанія, что читалъ Димитрій. Грозенъ Богъ, мстящій до седьмого колѣна... Горькія страданія матери и ея смерть еще не отмщены. И кому быть мстите-

лемъ, какъ не сыну, спасенному чудомъ? Недаромъ сохранила его въ морѣ невѣдомая рука. Онъ чувствуетъ себя орудіемъ Божества. И это сознаніе отрадно льется въ его душу.

Покинувъ долину, Іовъ и Димитрій поселились близъ развалинъ многовѣковаго города. Вокругъ была сѣрая пустыня, обнаженная и безотрадная. Море билось о скалистый берегъ, медленно разрушая и поглощая остатки зданій. По окрестнымъ холмамъ и среди развалинъ жили рыбаки и пастухи. Жилища походили на звѣриныя логовища, и обитатели ихъ были дики, подобно звѣрямъ.

Грозная нѣкогда стѣна отдѣляла ряды разрушенныхъ домовъ и церквей отъ скалы, изрытой гробницами тысячелѣтій. Тамъ Іовъ избралъ глубокую пещеру. Въ ней нашли они лишь нѣсколько костей на погребальныхъ ложахъ и обломки глиняныхъ сосудовъ. Вдвоемъ, изъ досокъ разрушенныхъ гробовъ, найденныхъ въ другихъ пещерахъ, они сдѣлали дверь. Узкій входъ закрывался въ ненастные дни, и тогда слабый огонекъ древней лампады едва освѣщалъ ихъ жилище. Въ зимніе холода они зажигали у входа

сухія вѣтви и, кутаясь въ овчины, едва не задыхались отъ дыма, когда морской вѣтеръ бросалъ его въ пещеру. Скудную пищу имъ доставляли пастухи. Иныхъ изъ нихъ лѣчилъ Іовъ и говорилъ имъ о Богѣ. Они считали его волшебникомъ.

Старикъ и юноша мало говорили между собою. Отъ Іова узналъ Димитрій, что въ мрачной пустынѣ— убѣжище отъ демонскихъ обольщеній и грѣха; здѣсь онъ найдетъ спасеніе души. И безропотно пришелъ сюда юноша и поселился въ погребальной пещерѣ. Когда ихъ работы были окончены, отшельники затихли, одинъ въ безмолвныхъ молитвахъ, другой въ мечтаніяхъ и думахъ.

Бурные и холодные дни прошли. Мертвая пустыня наполнилась весеннимъ свѣтомъ и весенними голосами. Среди скалъ поднялись молодыя травы и блѣдные цвѣты. Ихъ свѣжее дыханіе разливалось надъ землей.

Въ глазахъ Димитрія загорѣлся безпокойный огонь. Отраженье его грезъ,—смутная улыбка блуждала на губахъ, когда въ вечерніе часы онъ смотрѣлъ на небо Въ озаренныхъ алымъ закатомъ облакахъ ему видѣлись странныя тѣни. Они неслись въ безпредѣльную даль, и за ними тянулись извивающіяся одежды и длинныя крылья; руки ихъ простирались къ молодому серпу луны. Полураскрывъ губы, съ недоумѣніемъ во взорѣ, Димитрій слѣдилъ за облаками, объятый восторгомъ, не отвѣчая на вопросы Іова. И старикъ отходитъ отъ него, смущенный, съ печалью въ потухшихъ глазахъ.

Для того, чтобы работой и утомленьемъ отогнать мечты, Іовъ велѣлъ ему вырубить въ одной изъ стѣнъ

пещеры большое углубленіе: зимой тамъ будетъ запасъ сухихъ вѣтвей. Усердно Димитрій взялся за работу. Подъ его сильными ударами скоро обрушился слой камня, и черное отверстіе открылось предъ ними. Они вошли въ подземелье, освѣщая путь лампадою. Проникшій въ пещеру вѣтеръ съ моря поднялъ легкое облако пыли, но оно быстро разсѣялось.

Съ изумленіемъ Димитрій смотрѣлъ на изображенія на стѣнахъ. Менады сидѣли на спинахъ крылатыхъ химеръ съ змѣиной головою на концѣ хвоста; сатиры потрясали тимпанами; вакханки мчались съ тирсами въ рукахъ. Среди изсохшихъ листьевъ и цвѣтовъ, на мраморной плитѣ покоились кости человѣка, покрытыя золотыми украшеніями. Расписанныя вазы, сосуды изъ радужнаго стекла для слезъ и бальзамовъ, глиняныя лампады окружали остовъ; возлѣ правой руки лежало круглое зеркало.

Іовъ поднялъ запястье изъ двухъ свившихся змѣй и широкое узорчатое ожерелье. При слабомъ свѣтѣ лампады, въ немъ засверкали самоцвѣтные камни. Старикъ съ презрѣніемъ выпустилъ его изъ рукъ и, странно звеня, оно упало на кости. Димитрій молча разсматривалъ изображенія на погребальныхъ лампадахъ: Нагой юноша, съ развѣвающимися кудрями, мчался на колесницѣ; крылатый мальчикъ держалъ

за рога козла; двѣ обнаженныя женщины, склонясь надъ чашей, смотрѣли на ее дно. Въ полумракѣ погребальной комнаты, сладострастныя нагія изображенія волновали Димитрія. Ему хотѣлось бы знать, чьи кости лежатъ предъ нимъ, среди золота и сосудовъ съ благовоніями. Кудри какой красавицы обнималъ широкій золотой вѣнецъ надъ низкимъ челомъ? Какіе глаза сіяли тамъ, гдѣ теперь черныя впадины черепа?.. И въ его тревожныхъ грезахъ, кости облекались въ чарующій образъ далекой, ненавистной женщины, чей образъ, неясный, какъ тѣнь, смущалъ его непрестанно...

— Вотъ, въ прахѣ то, что цѣнно людямъ, промолвилъ глухо Іовъ: золото, женская красота, цвѣты, обманчивая красота лѣта. Все — лишь прахъ на землѣ!

Онъ поднялъ съ плиты черный плоскій сосудъ и прочелъ на немъ надпись: ΧΑΙΡΕ.

И онъ сказалъ:

— Среди останковъ суеты людской, вотъ одно мудрое слово: Радуйся!.. Да, истинная радость, не обманчивая, лишь для того, кто прошелъ чрезъ смерть.

Они вышли изъ погребальной комнаты. Димитрій задѣлалъ ея входъ, и они больше о ней не говорили.

Но его ночи стали еще тревожнѣе. Тѣнь вѣковой обитательницы гробницы, прозрачная, какъ свѣтъ луны, волнующаяся, какъ утренній туманъ, рождалась изъ мрака. Глаза призрака загорались жизнью, смѣялись, губы шептали неясныя привѣтствія. Пальцы, свѣтлые какъ лучи, бросали къ ногамъ Димитрія вѣнцы, запястья, обручи и кольца. Иногда, руки тѣни указывали черезъ открытую дверь въ море. Тамъ, искрящееся серебромъ отраженіе луны уходило въ безпредѣльную даль, какъ сіяющій путь.

Днемъ, Димитрій лежалъ въ пещерѣ или бродилъ надъ моремъ, безъ цѣли, съ безотчетной тоской въ душѣ. Онъ не смѣлъ сказать Іову о ночныхъ видѣніяхъ, но, когда вспоминалъ о нихъ, то сильно билось его сердце отъ щемящаго, сладкаго ожиданія ночи.

Іова не было въ пещерѣ, когда настала ночь, и Димитрій забылся сномъ. Прошли горячіе часы видѣній, заря зажгла небо, а старикъ не вернулся еще въ жилище. Въ тревогѣ, Димитрій пошелъ искать его. Чрезъ разрушенныя городскія ворота вошелъ онъ въ узкія пустынныя улицы. На перекресткахъ и площадяхъ лежали груды камней, обломки мраморовъ съ изображеніями крестовъ и символовъ. Въ покинутыхъ домахъ и дворцахъ щели оконъ зіяли, какъ глазницы черепа.

Въ утренней тишинѣ, внезапно, послышался ему слабый стонъ, вблизи. Онъ замѣтилъ на землѣ темное отверстіе цистерны, круглой, какъ кувшинъ для вина. Казалось, оттуда раздавался стонъ. Нагнувшись у ея края, Димитрій съ ужасомъ увидѣлъ на днѣ человѣка. То былъ Іовъ, разбитый, окровавленный паденьемъ. Онъ узналъ своего сына, и его глаза освѣтились радостью. Прерывающимся голосомъ онъ за-

говорилъ, едва слышно. Поздно вечеромъ, возвращаясь отъ больного, упалъ онъ въ цистерну.

Димитрій сталъ громко звать на помощь. Вмѣстѣ съ случайнымъ прохожимъ онъ поднялъ старика со дна цистерны, перенесъ въ ихъ жилище и бережно уложилъ на постель изъ травъ. Обезсиленкый паденьемъ, Іовъ лежалъ безъ сознанія, закрывъ глаза. Голова его безжизненно поникла, длинные сѣдые волосы разметались, какъ львиная грива. Къ вечеру, Іовъ открылъ глаза. Долгій угасающій взглядъ остановился на Димитріѣ. Съ усиліемъ, пытаясь поднять голову онъ сказалъ:

— Ты вернешься къ людямъ, сынъ... Да, да... Твой отецъ...

— Зачѣмъ идти мнѣ къ отцу? Я его не знаю...

Съ тревогой въ душѣ Димитрій вспомнилъ пророческія слова матери о часѣ возмездія и свои думы и мести.

Послѣ долгаго молчанія, старикъ заговорилъ снова, совсѣмъ тихо:

— Людямъ нужно золото. Ты ихъ не знаешь... Возьми золото... тамъ, все... Унеси потомъ, когда...

Онъ затихъ. Въ отчаяньи и безпомощной тоскѣ, юноша смотрѣлъ въ его глаза, изъ которыхъ уходила жизнь. Старикъ безпокойно заметался. Дыханіе

становилось все тяжелѣе и прерывистѣй. Онъ смотрѣлъ на Димитрія, но угасшіе глаза уже не видѣли его. Порой, дыханье не было слышно. Въ безсильномъ горѣ Димитрій сидѣлъ неподвижно у его ногъ, всю ночь. Когда заря освѣтила пещеру, лицо Іова было полно спокойствія и казалось помолодѣвшимъ. Морщины страданія исчезли. Димитрій коснулся руки, холодной и неподвижной. Онъ понялъ, что то была смерть.

И вотъ, онъ одинъ на землѣ, съ тоской и невѣдѣніемъ въ душѣ. Іовъ сказалъ, что онъ долженъ вернуться къ людямъ. Снова ожили въ немъ мысли объ отомщеніи за мать. Не для того ли, чтобъ послать его на месть, взятъ отъ него Іовъ, замѣнявшій ему отца? И такъ насталъ часъ, когда таинственная Воля посылаетъ его на подвигъ...

Ночью Димитрій открылъ входъ въ древнюю гробницу. Онъ положилъ тамъ тѣло Іова и на его груди деревянный крестъ. На колѣнахъ предъ нимъ, при мерцаніи лампады, онъ повторялъ всѣ молитвы, которымъ его научили въ пустынѣ.

На зарѣ онъ собралъ драгоцѣнности пещеры. Руки его дрожали; ему чудилось, что онъ похищаетъ ихъ у той женщины, чья тѣнь прилетала къ нему, влекомая чувствомъ, пережившимъ тлѣніе. Но онъ вспо-

мнилъ, что въ ночные часы ея пальцы, свѣтлые, какъ лучи, бросали къ его ногамъ золото. И это успокоило его. Задѣлавъ стѣну гробницы, онъ вышелъ на просторъ, унося подъ одеждой ожерелья и запястья.

Утреннее солнце горячимъ свѣтомъ золотило землю и море. Полное блеска, оно радостно шумѣло и пѣнилось у берега. Пустыня сіяла. Въ густой синевѣ неба рѣяли ширококрылыя бѣлыя птицы. Димитрій слѣдилъ за ними. Онъ чувствовалъ себя свободнымъ, какъ они, и завидовалъ только ихъ крыламъ.

III.

Съ топоромъ каменьщика за плечами, Димитрій прошелъ горные хребты и долины, отдѣлявшіе его отъ Каффы. Не вдалекѣ отъ города, онъ сталъ встрѣчать отряды монголовъ. На него смотрѣли равнодушно; иногда кричали ему непонятныя слова или знаками звали къ себѣ...

Наступали сумерки. Вдали зубчатые вѣнцы башенъ Каффы чернѣли на поблѣднѣвшемъ небѣ, на которомъ протянулись алыя струи заката. Димитрій смотрѣлъ на суровыя стѣны, и сердце его горячо билось. Онѣ хранятъ тайну того невѣдомаго, что должно свершиться, скоро. Тамъ за высокими стѣнами, губители его матери: распутница, подобная Іезавели и Іродіадѣ, и его отецъ, жестокій, неприступный. Какъ во снѣ, онъ его помнитъ: высокій, могучій, съ нахмуренными бровями и сѣдиной въ черной бородѣ...

Таковъ ли и теперь суровый отецъ? И къ этому далекому, безпощадному человѣку Димитрій чувствуетъ безотчетное, мучительное влеченіе. А какъ бы долженъ онъ ненавидѣть его и его сообщницу! Кто изъ нихъ главный виновникъ злого дѣла? И какъ совершитъ Димитрій то, что назначено? Рядъ тягостныхъ вопросовъ волнуетъ душу. И нѣтъ въ ней на нихъ отвѣта. Пусть судьба, ведущая его, разрѣшитъ всѣ сомнѣнія...

Поникнувъ головой, онъ идетъ по пустынной дорогѣ. Молчаливые, грозные стѣны растутъ предъ нимъ въ вечернемъ сумракѣ. Подъ склономъ холма, какъ муравьи, движутся люди, въ острыхъ шапкахъ монголовъ.

Одинъ изъ всадниковъ скачетъ къ нему, пересѣкая путь. Димитрій останавливается. Ему слышатся знакомые въ дѣтствѣ звуки итальянской рѣчи. Но онъ можетъ отвѣтить только на томъ языкѣ, какимъ говорили съ нимъ въ пустынѣ. Всадникъ, въ пестрой монгольской одеждѣ, понимаетъ его. Онъ спрашиваетъ по-гречески Димитрія, куда идетъ онъ, не житель-ли онъ Каффы? Красивое правильное лицо всадника, съ рубцомъ отъ раны на щекѣ, не похоже на татарскія лица. Его голосъ ласковъ, взглядъ привѣтливъ. Димитрій, чувствуя довѣріе, вступаетъ въ

разговоръ. Положивъ руку на гриву коня, онъ разсказываетъ о своей судьбѣ и о томъ, какъ изъ пустыни онъ пришелъ въ Каффу, гдѣ его отецъ. А зачѣмъ—то его тайна...

— Ты любишь Каффу? Ты въ ней родился, горячо прерываетъ его всадникъ. О, какъ ее люблю, то ненавистное всѣмъ гнѣздо жадныхъ купцовъ! Забрались они сюда изъ далекой Генуи, чтобъ слезы и муки людей обращать въ золото... Слушай, бѣдный мальчикъ. Тамъ, за стѣнами, я звался Аццолино... Моя душа не вынесла обидъ. Меня, моихъ братьевъ и сестеръ ограбили богачи по своимъ законамъ, жадные къ наживѣ, эти Вивальди, Леркари, Сенарега! Какъ старшій, я искалъ правды. Меня заперли въ тюрьму, чтобы я не смущалъ спокойствіе свѣтлѣйшаго консула. Я убѣжалъ... Теперь непобѣдимые богатыри степей — мнѣ братья. Вмѣстѣ съ ними не мало крови пролилъ я въ бояхъ. Они зовутъ меня Аксала́. Я эмиръ великаго грознаго хана... Иди къ намъ! Ты высокъ, и силенъ, и смѣлъ... Но ты качаешь головой? Ты хочешь идти въ Каффу?

Бѣдный! Видно навсегда ты останешься ребенкомъ. Мнѣ жаль тебя. Зачѣмъ ушелъ ты изъ разрушенной Дзурдзоны [1]? Тамъ нѣтъ людей. А что будетъ съ тобою

[1]) Генуэзское названіе Херсонеса.

въ Каффѣ, среди безжалостныхъ, жадныхъ купцовъ, зарывшихся въ золото? Придетъ часъ, и Каффа станетъ добычей Магомета. Мой господинъ, великій хромецъ Тимуръ, съ сѣдыми отъ рожденья волосами,— ты слыхалъ о немъ?—поражаетъ, какъ небесный громъ народы и страны. Онъ сжегъ и смелъ съ земли, на морскомъ берегу, богатую Тану [1]). Радуются каффскіе купцы, что погибла ихъ соперница. А какъ близка къ нимъ погибель! Меня, любимаго слугу, послалъ Тимуръ взглянуть на Каффу... Какъ близка ея гибель! Наши трабуки [2]) разобьютъ ея новыя стѣны; какъ волны, разольются по городу наши богатыри, и не будетъ пощады никому! Задрожитъ земля отъ криковъ и стоновъ. Разобьютъ дома и склады богатствъ, изъ сандала и алоэ сложатъ костры, подожгутъ дворцы, по кускамъ разнесутъ серебряные алтари Святой Агнесы... Снова я увижу свой родной городъ. Увижу въ огнѣ и крови...

Тяжело дыша, онъ умолкъ, глядя вдаль на стѣны города, тонувшія въ сумракѣ.

— Ты хочешь отомстить имъ?—спросилъ Димитрій, въ волненіи.

— О! Нѣтъ мукъ, достойныхъ моихъ злодѣевъ!...

---

[1]) Венеціанская колонія на Азовскомъ морѣ.

[2]) Стѣнобитныя машины татаръ.

Но погибнетъ Каффа, родной городъ! И мнѣ вѣдь была матерью мудрая Генуя. И я видѣлъ, хоть и недолго, ея великолѣпіе и силу. Нѣтъ, не на моихъ глазахъ падетъ Каффа. Не будетъ того! Отсрочена ея погибель. . Иди своей дорогой, мальчикъ. Я укажу тебѣ, какъ пробраться въ городъ. Знаю всѣ пути. Какъ легко мнѣ взять его обманомъ! Иди и скажи въ Каффѣ, что бѣглецъ, отверженный и презрѣнный отступникъ, спасетъ ее отъ гибели. Онъ уйдетъ отъ ея стѣнъ безъ мести... Непостижимъ грозный Тимуръ. Скоро буду у его ногъ, цѣлуя землю. И онъ измѣнитъ путь и отвернется отъ Каффы. Мы уйдемъ на востокъ, далеко. Навсегда.

Не знаешь ты дорогу? Укажу тебѣ. Ты войдешь тѣмъ путемъ, какимъ я убѣжалъ оттуда. Въ стѣнахъ есть щель для стока водъ. Ты сумѣешь пройти черезъ нее... Иди же рядомъ съ моимъ конемъ. Ночь темна, тучи закрыли звѣзды. Я укажу тебѣ тропинку, подъ склонами холмовъ. Не долгій путь. А тамъ, мы съ тобой простимся. Мнѣ жаль тебя.

IV.

Углы высокой комнаты въ башнѣ наполняются вечерними тѣнями. Въ креслѣ противъ окна, старый кастелланъ Лафранки, сгорбленный годами и непонятнымъ для врачей недугомъ, глядитъ на море, тихо засыпающее у подножія стѣнъ. Онъ ждетъ галеръ изъ Генуи. Галеры привезутъ вновь отлитыя мѣдныя чудовища, дышащія огнемъ и смертью. Тогда не страшны будутъ городу полчища татаръ. А они, то и дѣло, бродятъ въ степи, нарушая торговлю—жизнь Каффы. Нѣтъ пути караванамъ, купцы замыкаются въ стѣнахъ города.

Сегодня монголы скрылись нежданно; среди дня увезли свои страшныя стѣнобитныя машины и сгинули въ степи. Не хитрость-ли то? Завтра, всякій день, могутъ они снова вернуться. Хорошо знаетъ ихъ нравъ и не вѣритъ имъ старый кастелланъ. Нетерпѣливо ждетъ онъ помощи отъ Генуи.

Въ его рукахъ попрежнему всѣ укрѣпленія, хотя онъ уже не въ силахъ обходить ихъ. Но онъ объявилъ совѣту, правящему городомъ, что никому не передастъ ключи воротъ, пока не прибудетъ новый консулъ отъ республики. Зная Лафранки, чья опытность не разъ спасала Каффу, маэстрали и синдики уступили ему.

Загорѣлся вдали огонь маяка, среди голубого сумрака. Окончился день ожиданій. Съ трудомъ, опираясь на костыль, встаетъ съ кресла старикъ. Ему труденъ каждый шагъ. Но онъ не хочетъ никого видѣть и не зоветъ слугъ или Эвфимію. Знаетъ онъ, какой огонь затаенной злобы вспыхиваетъ въ ея глазахъ, когда она подходитъ къ нему, больному и безсильному. Нѣтъ, лучше быть одному!..

Въ открытое окно вѣтеръ доноситъ изъ городскихъ улицъ звуки веселыхъ пѣсенъ и радостные клики. Тамъ купцы, вожаки каравановъ, моряки и солдаты, генуэзцы и разноплеменные пришлецы торжествуютъ освобожденіе города отъ осады. Унылыя церковныя молитвы смѣнились звуками буйнаго веселья... Надолго ли это веселье? думаетъ больной кастелланъ, качая головой. Медленно двигаясь, идетъ онъ, опираясь рукой о стѣну, и ложится на свое ложе.

Измѣнчивый свѣтъ луны скользитъ изъ окна, но

углы высокой комнаты во мракѣ. Ночныя думы обступаютъ Алáонэ. Изъ мрака рядъ безотрадныхъ воспоминаній тянется къ нему, наполняя его сердце тоской: неотомщенныя обиды, ускользнувшія наслажденія, темныя дѣла долгой жизни. Неотступно видится ему, въ безсонные часы, давно забытое желтое татарское лицо; глаза горятъ безсильной злобой затравленнаго волка, какъ въ тотъ день, когда Мамай увидѣлъ, въ одной изъ башенъ Каффы, веревку, приготовленную для него бывшими союзниками. Точно шипѣнье змѣи, слышится Алáонэ одно лишь слово, брошенное ему тогда въ лицо:—собака!.. Зачѣмъ вспоминать о томъ? То былъ побѣжденный; смерть его была полезна генуэзцамъ, онъ былъ невѣрный... И Алáонэ гонитъ его прочь отъ себя.

Но вотъ другое лицо, худое, со строгими глазами; сѣдые волосы упали по плечамъ на черную одежду. А, это грекъ монахъ, что у дверей церкви вздумалъ предъ толпой укорять Эвфимію и Алáонэ въ грѣхахъ! Рука кастеллана сжимала рукоять меча; онъ хотѣлъ убить оскорбителя. Но Эвфимія упала на колѣни, въ слезахъ раскаянія, пытаясь поцѣловать дрожащую руку жалкаго монаха. На другой день она снесла ему; больному, вино съ медленной отравой...

И въ холодномъ и жесткомъ сердцѣ Алáонэ, не

знавшемъ страха, словно страхъ предъ Эвфиміей! Зачѣмъ вспоминается теперь этотъ монахъ, схизматикъ? Не самъ Алаонэ отравилъ его, а Эвфимія. Она, всегда она! Всѣхъ въ Каффѣ она сдѣлала его врагами. Она вошла въ его домъ, изгнавъ Наталію съ сыномъ. То былъ сынъ самаго Лафранки!.. Какъ слабое эхо, раздается въ его ушахъ горькій крикъ.

— Придетъ твой часъ!..

О, развѣ не пришелъ давно часъ возмездія? Какая кара еще ждетъ его и Эвфимію? Десять лѣтъ, она—рядомъ съ нимъ, ненавистная, какъ мучительная болѣзнь! Въ его темную душу она вошла, какъ вампиръ, переполняя ее зломъ... Да, ласки Эвфиміи—это отравленныя лобзанія вампира, обманчивыя объятія суккуба. Прочь ее! Въ ослабѣвшей рукѣ Алаонэ найдется еще сила, чтобы убить вампира...

Изъ его груди рвутся мучительные стоны. Его руки бродятъ въ темнотѣ, точно силясь разогнать мракъ, полный ужаса. Внезапно, полоса желтаго свѣта врѣзается въ этотъ мракъ. Слышится скрипъ тяжелой двери.

Эвфимія держа въ рукѣ свѣчу, появляется изъ темноты. Но кто пришелъ, другой, и остановился на порогѣ? Кто этотъ высокій человѣкъ, съ едва пробивающейся бородой? Поверхъ его темной ветхой

одежды, перевязь черезъ плечо и мечъ. Какія новыя, необычайныя видѣнья родились изъ тьмы?

Какъ знакомо озаренное колеблющимся пламенемъ свѣчи гордое и смѣлое лицо пришлеца! Точно въ волшебномъ зеркалѣ, видитъ онъ въ немъ самого себя, но въ давніе годы. Печально смотрятъ кроткіе глаза съ смущеніемъ и вопросомъ... Кто такими глазами смотрѣлъ на него? О, еслибъ могъ онъ отыскать эти глаза въ своей памяти!

Жадно глядитъ старикъ въ глаза пришлеца, и, наконецъ, онъ вспомнилъ... То — глаза Наталіи. Часто скрывали они слезы, чтобы не прогнѣвать господина. Куда скрыться отъ горькихъ воспоминаній? О, какъ горячо хотѣлъ бы онъ уйти отъ нихъ во мракъ...

Словно въ глубинѣ его души раздается голосъ Эвфиміи, ласковый и рѣжущій сердце голосъ вампира. Высоко поднимая свѣчу, Эвфиміи освѣщаетъ лицо пришлеца. Въ его кроткихъ глазахъ безконечная жалость. Неловкимъ движеніемъ сбрасываетъ онъ съ себя перевязь. И мечъ, гремя, падаетъ на плиты пола. Робко, нерѣшительно переступаетъ онъ порогъ, хочетъ говорить... Но Эвфимія удерживаетъ его и обращается къ Алáонэ.

— Взгляни! Твой сынъ пришелъ къ тебѣ...

Его сынъ! Откуда? Или насталъ день послѣдняго суда, и море отдало свои жертвы? Мучительный трепетъ наполняетъ все существо Алаонэ. Онъ хотѣлъ бы спросить пришлеца, кто онъ? Но непонятныя ему самому слова, среди стоновъ, рвутся изъ его гортани: Точно сраженный невидимой стрѣлой, онъ падаетъ безсильный, безмолвный. И какъ во снѣ, слышатся ему слова Эвфиміи:

— Уйдемъ, Димитрій: старику, больному нуженъ покой.

Алаонэ, пытается подняться, остановить уходящихъ, закричать. Но безсиліе сковало его. Его мысли погружаются въ мракъ..

— Старику нуженъ покой, повторяетъ гречанка, поспѣшно увлекая за собой по узкой лѣстницѣ Димитрія. Она чувствуетъ, какъ его сильная и горячая рука дрожитъ въ ея рукѣ.

Въ комнатѣ нижняго яруса башни она остановилась противъ Димитрія, освѣщенная желтымъ пламенемъ свѣчи. Годы не отняли красоту Эвфиміи, лишь положили легкія черты у лучистыхъ глазъ и около рта. Она перебираетъ тонкими пальцами древнее ожерелье на груди; свившіяся змѣи запястій обняли кисти рукъ; сквозь черныя кудри блестятъ длинныя серьги: на ней всѣ драгоцѣнности, что Димитрій принесъ изъ гробницы Херсонеса. При встрѣчѣ съ ней, онъ робко отдалъ ихъ, чтобы привлечь ея довѣріе... Ее радуетъ смущеніе юноши, сильнаго и красиваго, какъ былъ его отецъ когда-то. Страсть къ сыну Ала́онэ овладѣла Эвфиміей, наполняя ее жгучей радостью.

Порой, вторгаются въ тишину башни яркіе звуки веселья городскихъ улицъ: горячіе переливы итальянской пѣсни и заунывные напѣвы степей, среди криковъ опьяненія. Когда радостные клики и пѣсни гаснутъ, въ башнѣ слышится лишь плескъ спокойныхъ волнъ у ея стѣнъ внизу.

Эвфимія заговорила тихо и вкрадчиво.

— Помнишь-ли, какъ я была красива? Взгляни: такая-ли теперь? Вспоминалъ-ли ты когда-нибудь, меня?

Отъ ея взгляда загараются впалыя щеки Димитрія. Онъ опускаетъ глаза.

— Часто во снѣ или даже иногда съ открытыми глазами я тебя видѣлъ. Но ты была иною, едва слышно говоритъ Димитрій, какъ въ бреду: Твоя тѣнь приходила ко мнѣ, чтобъ мучить мою душу...

— Нѣтъ, нѣтъ! Я тебя любила всегда! Ты не знаешь. Я замѣнила бы тебѣ твою мать. Въ тотъ день, какъ Алáонэ удалилъ изъ дому...

Нежданно, рѣзкимъ движеніемъ руки, Димитрій прервалъ ее. Онъ страшно поблѣднѣлъ, его брови сдвинулись. На мигъ, какъ во снѣ, увидѣлъ онъ предъ собой печальное лицо матери, среди сада съ пожелтѣвшей листвой платановъ; въ окнѣ сѣраго дома суровыя черты кастеллана, горящіе глаза Эвфиміи...

Димитрій закрылъ лицо руками. Среди наступившей тишины глухо и строго прозвучалъ его голосъ:

— Не говори про мою мать!

Гречанка поняла. Призывая святыхъ въ свидѣтели, жалобно и горько стала она говорить о своей невиновности. Она-ли изгнала изъ Каффы добрую, несчастную Наталію? Не она, а жестокій кастелланъ. Онъ соблазнилъ и ее, Эвфимію, беззащитную дѣвушку, и навѣкъ сдѣлалъ несчастной. Всѣхъ онъ дѣлаетъ несчастными. Всѣмъ онъ ненавистенъ!..

Она говорила долго и горячо. Глаза ее то сверкали гнѣвомъ, то наполнялись слезами. Она ломала руки, казалось, въ безпредѣльномъ отчаяніи. Димитрій слушалъ ее, и въ его сердце тихо проникала жалость, а образъ матери блѣднѣлъ. Настало молчаніе. Издали донесся къ нимъ въ открытое окно взрывъ бурныхъ кликовъ ликованья, и постепенно затихъ.

Димитрій сказалъ:

— Я долго ждалъ. И вотъ я пришелъ, чтобъ отмстить за мать. Мнѣ такъ назначено...

— Убить? убить меня? спросила покорно Эвфимія, глядя на него скорбными глазами. Она едва разслышала его отвѣтъ:

— Да!...

Въ мгновеніе, сорвавъ со стѣны итальянскій мечъ,

длинный и тонкій, она бросила его на столъ передъ Димитріемъ. Широко распахнувъ на груди красную шелковую одежду и приближаясь къ нему медленно, точно крадучись она сказала тихо и печально:

— Убей меня! Это справедливо...

Грудь Эвфиміи тяжело дышала, и пламя свѣчи зажигало цвѣтные огни въ камняхъ ея узорчатаго ожерелья. Въ крайнемъ волненіи Димитрій смотрѣлъ на нее. И ему вспомнился полумракъ погребальной пещеры и тѣ же драгоцѣнности на костяхъ невѣдомой красавицы, чей призракъ прилеталъ къ нему, словно влекомый любовью. Когда то и тѣ глаза сіяли, какъ глаза Эвфиміи, высоко вздымалась грудь... Но красота обратилась въ прахъ, глубоко погребенный въ землѣ и забытый.

И въ душѣ Димитрія просыпается благоговѣнье предъ безконечной властью Смерти... Она взяла у него и стараго Іова, она подкралась къ одряхлѣвшему отцу; быть можетъ, она за плечами Эвфиміи. Непреклонный властелинъ міра — Смерть. Эвфимія безстрашно смотритъ ей въ глаза... Но рука Димитрія не будетъ орудіемъ Смерти, не протянется къ мечу. Нѣтъ, не въ силахъ онъ ненавидѣть Эвфимію, плачущую горькими слезами, несчастную... Онъ хотѣлъ бы утѣшить ее, хотѣлъ бы оставаться съ ней

6

вдвоемъ, слушая тихія рѣчи, глядя ей въ глаза долго, долго... пока не позоветъ Смерть, близкая всегда къ людямъ. Мстить Эвфиміи онъ не въ силахъ... А она, словно читая въ его душѣ, заговорила горячо и нѣжно:

— Какъ я была несчастна! Но все миновало. Всѣ мои горести обратились въ радость. Отрадно мнѣ съ тобою!... Увидѣла я тебя вчера. И всѣ люди здѣсь, покрытые золотомъ, въ бархатахъ и мѣхахъ, стали презрѣнны и ничтожны предъ тобой. А ты вѣдь пришелъ ко мнѣ, какъ простой каменьщикъ?.. Ты не оставишь меня? Безъ тебя, жизнь—черная ночь. Не хочу ея! Жить хочу!.. Скажи, полюбишь ты меня, Димитрій? Ты улыбаешься, точно лѣтняя заря. Но ты дрожишь, какъ раненая птица...

Затаивъ дыханіе, Димитрій слушаетъ, не сводя съ нея глазъ, и словно погружается въ сладкій и томительный сонъ, полный безсилія. Смутно мелькаетъ мысль, что онъ отдался во власть волшебныхъ чаръ. Чтобы стряхнуть ихъ, онъ, дѣлая усиліе надъ собою, отходитъ отъ Эвфиміи къ окну. У подножія башни волнуется море, таинственно ласковое. Луна льетъ потоки золотаго свѣта. По темной равнинѣ водъ сіяющій путь уходитъ въ глубокую синеву неба и зоветъ за собою въ безпредѣльную даль. Изъ морской глубины встаютъ на поверхности водъ миріады золотыхъ

брызгъ. Слагаясь въ сверкающія сочетанія, прихотливыя и вѣчно измѣняющіяся, эти золотыя брызги чертятъ загадочными письменами тайны морской глубины, каждый мигъ ускользая отъ взора, смѣняясь новыми и новыми... Какія тайны скрыты въ нихъ? Кто прочтетъ ихъ? Не въ нихъ ли скрыта тайна судьбы человѣка? думаетъ Димитрій.

Когда-то безпощадное море, поглотившее среди многихъ жертвъ его мать, отдало его землѣ и людямъ. Думалъ онъ, что опредѣлено было ему назначеніе на землѣ: отомстить за злое дѣло... Мстить! Зачѣмъ? Изгнанникъ Аццолино, отступникъ отъ Христа, и тотъ отрекся отъ мести, чтобъ спасти родной городъ. Нѣтъ! Всѣ мысли Димитрія о возмездіи—лишь тоска долгихъ ночей, или внушеніе таящихся въ пустынѣ духовъ. И кому мстить? Дряхлому старику, близкому къ смерти? Недолги его дни... Эвфиміи, несчастной и прекрасной? Какъ печально говорила она ему о своихъ страданіяхъ и горестяхъ!..

И страхъ предъ ея чарами забытъ. Видя состраданіе въ глазахъ Димитрія, она протягиваетъ къ нему руки, обнимаетъ его грудь и станъ, еще не знавшіе любви, и нѣжно цѣлуетъ бѣлокурую голову:

— Все отдамъ за тебя! Богатства, что я собрала, всѣ радости!.. Даже мою жизнь... 6*

Потомъ, тихо снимаетъ она руки съ его плечъ и крадется къ одной изъ стѣнъ. Тамъ она открываетъ узкую дверцу, и въ комнатѣ слышится раздражающій ароматъ травъ и бальзамовъ. Димитрій, взволнованный огнемъ объятій, слѣдитъ за мягкими движеніями Эвфиміи, за волнующимися складками ея красной одежды. Въ шкапу, устроенномъ въ стѣнѣ, она долго передвигаетъ ларцы и сосуды. Потомъ, изъ нихъ наливаетъ жидкости въ серебряную чашу. Склонивъ голову и разсуждая сама съ собой, она говоритъ тихо:

— Скоро, скоро! Скоро конецъ... Все отдамъ за тебя, все!..

Димитрій подходитъ къ ней, въ недоумѣніи:

— Что дѣлаешь ты?

— Лѣкарство... Здѣсь лѣкарство, для старика, глухо отвѣчаетъ Эвфимія.

Ея глаза расширились, и въ нихъ странный огонь. Димитрію становится жутко смотрѣть на нихъ. Неясная мысль, туманная и тяжелая, зарождается въ душѣ. Не думая о своихъ словахъ, онъ говоритъ:

— Для чего лѣкарство?

— Для чего?—повторяетъ Эвфимія, съ тихимъ и прерывистымъ смѣхомъ: Для того, чтобы старикъ былъ живъ...

Старикъ! Его отецъ, можетъ быть, близкій къ смерти въ этотъ часъ!.. А Эвфимія смѣется, она, бывшая ему женою! Его сыну она говорила только-что слова любви, смущающія душу. Тревожныя мысли кружатся вихремъ въ умѣ Димитрія. Изъ нихъ онъ схватываетъ одну: Надо, чтобы отецъ былъ живъ. Для этого Эвфимія приготовила лѣкарство... И снова онъ обращается къ гречанкѣ:

— Твое лѣкарство ему поможетъ? да?..

— Да, да!—И въ ея голосѣ звенитъ раздраженіе: Пусти меня! Зачѣмъ ты преградилъ мнѣ путь? Или ты хочешь, чтобы старикъ добрался къ намъ сюда? Онъ войдетъ къ намъ!.. Вотъ я слышу стукъ костыля, тамъ, надъ нами!.. Онъ встаетъ!.. А! видно силы къ нему вернулись!..

— О, подожди, говоритъ Димитрій съ мукой въ душѣ: Я не пойму тебя. Ты хочешь помочь ему? А въ твоихъ глазахъ горитъ злоба... Ты смѣешься? Снова, ты стала иною!.. Пусть придетъ отецъ, я не сдѣлаю ему никакого зла... Дай, я отнесу ему лѣкарство... О, зачѣмъ ты такъ смѣешься!..

Съ мучительнымъ вниманіемъ онъ всматривается въ ея лицо, въ каждое движеніе, въ каждый взглядъ. Она перестала смѣяться. Сжавъ алыя губы, затаивъ дыханіе, блѣдная, съ неподвижнымъ лицомъ, она

молча протянула ему чашу твердой рукой. Изъ подъ опущенныхъ длинныхъ рѣсницъ сверкнулъ тревожный огонь. Димитрій вздрогнулъ. Въ его душѣ вспыхнула мысль, подозрѣніе, такое страшное, что онъ не могъ бы выразить его словами. Кровь хлынула къ сердцу, глаза отуманились. Онъ почувствовалъ себя во власти невѣдомой таинственной Воли. И спокойно, безотчетно, покорился ей. Онъ взялъ изъ рукъ Эвфиміи чашу, что она несла его отцу. Глядя въ ея зловѣщіе глаза, едва слышно онъ спросилъ:

— Въ этомъ питьѣ—исцѣленье?..

И быстро, прежде чѣмъ Эвфимія поняла его, выпилъ глотокъ питья. Вопль Эвфиміи, страшный вопль раненаго на смерть звѣря, раздался, въ отвѣтъ, среди ночной тишины. Она бросилась къ нему и вырвала изъ рукъ чашу. Отрывки словъ, крики и стоны рвались изъ ея груди. Подавленный ужасомъ, Димитрій отшатнулся отъ нея и опустился на скамью, чувствуя страшную дрожь во всемъ тѣлѣ. Эвфимія рвала волосы и металась по комнатѣ, съ дикими воплями отчаянія. Она кинулась къ шкафу въ стѣнѣ, разбрасывая въ немъ ящики и сосуды...

Тяжелые, очень медленные и рѣдкіе шаги раздались за стѣною комнаты. Димитрій безотчетно прислушивался къ нимъ, прислонясь спиной къ стѣнѣ.

Передъ нимъ въ широкомъ окнѣ сверкали золотыя пятна на волнахъ. И ему казалось, что и море, облитое потоками свѣта, и стѣны комнаты, и обезумѣвшая женщина, все уходитъ вдаль и одѣвается холодомъ и туманомъ. Холодъ проникаетъ въ его душу и въ его тѣло. За окномъ волны поютъ тихую, однозвучную пѣсню. А тяжелые шаги все слышнѣе, кто-то силится отодвинуть дверь...

Жалкій стонъ женщины раздается въ ушахъ Димитрія. Онъ видитъ совсѣмъ близко передъ собой безпорядочныя волны черныхъ кудрей, блѣдное лицо и глаза, громадные, полные ужаса и тоски. Онъ видитъ чашу у губъ Эвфиміи. Потомъ слышится ему серебряный звонъ на плитахъ пола. Тоскливый угасающій голосъ Эвфиміи, словно принесенный вѣтромъ издалека, говоритъ ему:

— Уйду за тобой. Не разстанусь!..

Нѣжныя руки обнимаютъ его холодѣющія плечи. Но объятія размыкаются, и Эвфимія падаетъ къ его колѣнамъ, съ глубокимъ вздохомъ...

Застучала дверь. Изъ мрака появилась на порогѣ высокая тѣнь, колеблющаяся, страшная. Или—то не тѣнь? То отецъ Димитрія. Сквозь свѣтлый туманъ, юноша видитъ мертвенное лицо и глаза, расширенные ужасомъ, обращенные къ нему. Среди

смутнаго шума, наполнившаго слухъ Димитрія, донесся къ нему жалобный крикъ, зовъ отца... На зовъ хотѣлъ бы онъ отвѣтить, встать, идти къ отцу. Но туманъ окружилъ его холодной стѣной...

Вокругъ, рѣютъ бѣлыя крылья птицъ. Среди нихъ, Димитрій падаетъ въ бездну или несется къ облакамъ. Далеко внизу ревъ бури, вихри. Но ему не страшно летѣть надъ бурей. Она исчезаетъ въ глубинѣ, далеко... Вотъ близко старый Іовъ. По вѣтру тянутся серебряныя пряди его волосъ... Нѣжный голосъ поетъ про лазоревые цвѣты надъ могилою. Мать близко... Бѣлый, какъ снѣгъ, ликъ черепа въ золотомъ вѣнцѣ взглянулъ на Димитрія и исчезъ въ глубокой мглѣ... Вихри золотыхъ брызгъ кружатся вереницей, съ тихимъ плескомъ... И среди ихъ сіяющаго хоровода, снова онъ увидѣлъ, на мгновенье, передъ собой старческіе скорбные глаза. Они взглянули въ его душу и исчезли отъ него навсегда въ свѣтломъ туманѣ, который обнялъ взоры, и мысли, и все существо Димитрія...

НОЧЬ.

(Отрывокъ).

...Быстро наступала вечерняя темнота въ ложбинѣ Альбанскихъ горъ. Красота голубого дня поблекла. Небосклонъ блѣднѣлъ, желтѣлъ; потянулись темныя, суровыя облака, и въ нихъ исчезло солнце.

Вдвоемъ со спутникомъ моихъ скитаній, мы шли изъ Альбано въ Марино [1]) по незнакомой дорогѣ. Мы думали, что нашъ путь недолгій. Со мной было письмо отъ женщины, которую я долго любилъ. Я еще не имѣлъ силы прочесть это письмо или сжечь. Не было сомнѣнья, что писавшая его пропитала ненавистью каждую строку.

Узкая дорога вилась среди горныхъ уступовъ, спускаясь внизъ. Пѣшеходы больше не встрѣчались. Мы шли рядомъ, молча. Неожиданно изъ сумрака выросъ передъ нами высокій человѣкъ. Онъ шелъ на встрѣчу. Я спросилъ его о нашей дорогѣ, и онъ остановился,

---

[1]) Городки въ окрестностяхъ Рима.

близко ко мнѣ. Выбившіеся изъ-подъ измятой шляпы густые волосы бросали тѣнь на его лицо, казалось, молодое. Тревожный огонь горѣлъ въ его глазахъ. Въ нихъ ясно говорила ненависть къ тѣмъ, кто считаются счастливыми. Лукавая усмѣшка открыла бѣлый рядъ зубовъ. Онъ молча оглянулся и указалъ рукой на дорогу. Потомъ быстро прошелъ мимо и исчезъ въ вечерней тьмѣ.

Мы пошли дальше, среди тишины незнакомой дороги. Вправо, изрѣдка, поднимались темные изломанные силуэты оливъ. Соединяясь по двѣ и по три причудливыми стволами, онѣ издѣвались надъ смущеньемъ путниковъ. Тихимъ шелестомъ листвы онѣ повѣряли другъ другу свои тайны. Влѣво, ряды камней отдѣляли насъ отъ черной пропасти. Въ небѣ холодномъ, безмѣрно далекомъ, загорѣлись блѣдныя звѣзды безъ лучей. Быстро наступившая ночь обняла насъ враждебною темнотой. Куда приведетъ пустынная дорога?..

И вотъ, внезапно, вдали блеснулъ слабый красноватый огонекъ, единственный средь мрака. И исчезъ. Тамъ жилище. Надо идти туда. Снова предъ нами та же красная точка, но выше.

Ускоряя шаги, мы спѣшили къ блѣдному огню. Изъ темноты предъ нами возсталъ черный высокій

замокъ. Старый, израненый вѣками гигантъ, обреченный на безмолвную жизнь между пропастью и далекимъ небомъ. Разрушенные зубцы башенъ грозили блѣднымъ звѣздамъ. По каменному тѣлу гиганта бродилъ красный огонь и насмѣшливо манилъ къ себѣ. На его призывъ мы подошли по узкой тропинкѣ къ двери. Съ разбитаго щита надъ нею когти орловъ и остріе меча были направлены на входящихъ. Я толкнулъ дверь; она качнулась на петляхъ, но не уступила рукѣ. Мы стали стучать, и старыя доски отвѣчали хриплымъ, печальнымъ звукомъ. Темный гигантъ спалъ. И мы стучали долго...

За дверью послышался кроткій голосъ:

— Кто это?.. Такъ поздно!..

Переговоры длились недолго. Дверь слабо застонала и открылась. Съ маленькой лампой въ рукѣ, пожилая женщина довѣрчиво на насъ смотрѣла большими грустными глазами:

— Найти дорогу ночью! Невозможно!..

И, привѣтливо, она предложила намъ отдохнуть до утра. А завтра насъ проводитъ ея сынъ. Вдвоемъ они живутъ въ замкѣ. Рѣдко, очень рѣдко пріѣзжаютъ сюда владѣльцы изъ Рима.

Отрадно было скрыться въ человѣческомъ жилищѣ отъ холодной темноты. Мы вошли въ большія сѣни.

Сурово на насъ смотрѣли древнія стѣны. Глубокія раны, нанесенныя вѣками, зіяли среди грубыхъ камней. Капители колоннъ, поддерживающихъ своды, обвалились. Холодъ медленной смерти дышалъ изъ темныхъ угловъ.

Наша хозяйка привела насъ въ высокую комнату съ обнаженными стѣнами и поставила лампу на столъ. Тутъ были слѣды жилья. Въ углу громадная кровать выступала изъ темноты головами и лапами рѣзныхъ грифоновъ. Нѣсколько ковровъ лежали на крышѣ средневѣковаго сундука, длиннаго какъ гробъ и покрытаго рѣзьбой. Вереницей шли на его бокахъ грубыя и уродливыя изображенія: цари волхвы предъ Иродомъ; воины, избивающіе младенцевъ; ангелы, поражающіе Ирода. Высокіе своды комнаты были полны мрака.

Степенно принесла намъ наша хозяйка ужинъ: хлѣбъ и фиги, положила на столъ ножъ, налила вина въ стаканы. Потомъ, со своею кроткою и печальною улыбкой, пожелала намъ отдохнуть и безшумно скрылась.

Мы остались вдвоемъ. Чрезъ большое окно черная, холодная ночь смотрѣла на насъ какъ смутная загадка. Высокая комната, полная старыхъ тайнъ, приняла насъ въ свои мертвыя объятія. Мнѣ думалось: мы не выйдемъ изъ нихъ.

Пытаясь шутить, мы угощали другъ друга фруктами, сухимъ хлѣбомъ и виномъ. Но наши шутки казались печальными, душистое вино не веселило. Въ душѣ разрасталась тоска. Я замолкъ. На мигъ привлекъ мой взглядъ ножъ, оставленный на столѣ: длинный кинжалъ временъ Возрожденія, покрытый среди завитковъ тонкими изображеніями фавновъ и сатировъ.

— Надо спать, сказалъ мой другъ:—но я не лягу въ эту гробницу. — Онъ съ улыбкой указалъ на высокую кровать въ углу.

Я отвѣтилъ:—Мнѣ все равно; я усталъ...

Съ лампой въ рукѣ я подошелъ къ старинному ложу. На его покрывалѣ изъ поблекшей парчи извивались, какъ змѣи, черныя струи узора. Въ одномъ изъ угловъ были брошены шелковыя подушки, утратившія цвѣтъ. Искусную рѣзьбу обезобразили слѣды работы червей надъ трупами дубовъ, давшихъ доски для этого ложа. Среди прихотливыхъ извилинъ рѣзьбы я замѣтилъ буквы, мѣстами сглаженныя временемъ. При слабомъ свѣтѣ лампы, настойчиво всматриваясь, я прочелъ два имени, нацарапанныя рядомъ!

Anselmo + *Adenolfo*

Два имени были соединены длиннымъ крестомъ. Черезъ второе имя проходилъ слѣдъ ножа, едва замѣтный, сглаженный столѣтіями, можетъ-быть.

Я отошелъ въ сторону. Кто, въ давніе годы, вырѣзалъ эти имена твердою рукой? Кто съ ненавистью разсѣкъ одно изъ нихъ? Люди носившіе эти имена,— кто были они? Вереницы образовъ изъ глубины вѣковъ потекли въ мои мысли.

Мой спутникъ лежалъ на коврахъ, закрывъ глаза. Онъ спалъ. Я былъ совсѣмъ одинокъ подъ темными сводами. Въ высокое окно безотрадная ночь смотрѣла на меня. Я отвернулся отъ ея настойчиваго взора и опустилъ голову на руки. И я старался думать о далекой родинѣ, гдѣ, въ сѣрой мглѣ тумановъ, изстрадавшіеся люди работаютъ ради смутной цѣли, что называютъ они благомъ человѣчества; гдѣ любовь безрадостна, а вражда медлительна и безцѣльна. Оттуда, издалека, пришло ко мнѣ письмо, что въ это утро я увезъ съ собой изъ Рима.

Я разорвалъ обертку и началъ читать:

«Вы мнѣ не отвѣчали, думая забыть меня. Бѣдный! Вы забавны. Въ то время какъ вы краснорѣчиво восхищаетесь природой предъ вашимъ спутникомъ,— знаете ли о комъ онъ думаетъ? Обо мнѣ. Да, только обо мнѣ, хоть я и прогнала его. Какъ надоѣла мнѣ его сентиментальность! Онъ плакалъ и цѣловалъ мнѣ ноги при разставаньи.

«Конечно, вы ничего не знали. Я доставлю вамъ

удовольствіе прозрѣть. Еще въ то время какъ вы меня *любили*, вашъ другъ, кому вы вѣрите какъ ангелу, былъ моимъ. Это васъ не удивитъ, надѣюсь. Онъ моложе и красивѣй васъ. Посылаю клочекъ его письма. Чернила поблѣднѣли, но не стерлись»...

Этотъ листокъ, измятый и разорванный, упалъ передо мной на столъ. Я отвернулся съ отвращеніемъ. Но жажда отравы побѣдила...

Разбросаннымъ капризнымъ почеркомъ этого человѣка, что спалъ здѣсь рядомъ, было написано:

«...меня мучить? Вспомни мои слова, вчера, когда ты уходила. Если не будешь меня любить, какъ до сихъ поръ любила, всему конецъ! Не забывай, умоляю тебя. Я хочу еще жить. Но жить безъ твоей любви, безъ твоихъ ласкъ нѣтъ силы...»

Не было подписи, только день и годъ. То было время моего опьяненія красотой той женщины... Я быстро всталъ. Я звалъ къ себѣ забвенье среди иныхъ мыслей. Но онѣ расплывались въ сознаньи невозвратнаго, непоправимаго.

Тотъ, кто писалъ письмо, былъ рядомъ. Его глаза, лгавшіе смѣло ради женщины, закрыты. Лицо, красивое и еще молодое, — спокойно. Онъ тихо спитъ, вытянувшись на древнемъ сундукѣ, длинномъ какъ гробъ... Зачѣмъ *онъ* умѣлъ такъ лгать, *онъ*!..

Но жалость и тоска уходили; мои мысли отдавались власти этихъ старыхъ стѣнъ, полныхъ тайнъ. Мнѣ видѣлся мертвымъ этотъ человѣкъ. Глаза закрыты на вѣкъ. Его гробомъ стало его ложе. Чудовищныя украшенія сундука,—изображенія убійствъ, совершаемыхъ людьми и ангелами, влекли меня къ убійству. Въ моихъ рукахъ жизнь спящаго. Пусть спитъ и не проснется!.. А потомъ, уйду въ безконечную ночь, въ черную пропасть. Или останусь мертвый здѣсь, въ сердцѣ каменнаго гиганта...

Внезапно я почувствовалъ, что вошелъ *кто-то*, невидимый, неосязаемый, неслышный. Быть-можетъ, не одинъ... Кто то приближается ко мнѣ, и на каждый беззвучный шагъ отвѣчаетъ біеніемъ мое сердце. И вотъ, неуловимое прикосновенье *чьихъ-то* пальцевъ къ моему плечу... Закрывая рукой глаза, я бросился ощупью къ древнему ложу и легъ, подавляя ужасъ схватившій когтями сердце. Противъ воли я прислушивался къ окружавшей мертвой тишинѣ. И я чувствовалъ что она наполняется существами, жизнью. Увидѣть эту жизнь я не хотѣлъ и лежалъ съ закрытыми глазами.

Неосязаемый поцѣлуй ихъ пробудилъ. На меня смотрѣли глаза безконечной, мучительной красоты. Въ нихъ я увидѣлъ глаза всѣхъ женщинъ, которыя хоть на мигъ волновали мое сердце. Блѣдное лицо

богини склонилось надо мной. Длинныя кудри упали на мою грудь. Волны свѣтлаго тумана, напитаннаго ароматами весеннихъ полей, обняли меня, отдѣляя отъ вещественной жизни.

Звенящій, какъ струи ручья, голосъ говорилъ мнѣ тихо:

— Снова вмѣстѣ!.. Взгляни, я начертила твое имя рядомъ съ именемъ Ансельмо. Люблю его! Когда люблю тебя,—я думаю о немъ. Когда я съ нимъ,— ты въ моей душѣ... Въ этотъ часъ я твоя, и пусть весь міръ сгоритъ кромѣ тебя! . И если тотъ, другой, возвратится въ этотъ часъ, — мы отрѣжемъ ему голову и бросимъ ее въ ровъ моего замка. Пусть она скатится на дно преисподней! Мы убьемъ его этимъ длиннымъ кинжаломъ... Возьми!

Моихъ пальцевъ коснулось лезвіе оружія. Холодъ стали наполнилъ меня радостью. И снова заструились тихія рѣчи:

— Ты кротокъ и покоренъ. А онъ похожъ на орла. Слѣды когтей орла на моихъ плечахъ. За одно лишь твое имя онъ задушить меня хотѣлъ. На моей шеѣ, бѣлой какъ горные снѣга, слѣды его руки. О, какъ онъ меня любитъ!..

Ликующая злоба звенѣла въ тихихъ рѣчахъ, отражаясь въ моемъ сердцѣ. И я сказалъ.

— Гдѣ онъ?.. Онъ ненавистенъ мнѣ!

Темныя глаза засіяли, осыпая меня искрами. И я услышалъ:

— Близко, здѣсь онъ! Онъ убьетъ тебя, если ты не убьешь его... Зачѣмъ умолкъ ты? Назови же мое имя? Или ты забылъ? Или ты не зналъ меня?

Я искалъ въ умѣ имя и не находилъ... Тонкіе пальцы блуждали вокругъ моего лица. Отъ жгучихъ поцѣлуевъ таяли мои губы:

Ты забылъ мое имя? Зови меня: Юность! Вѣчная Юность. Мнѣ, могучей богинѣ, всегда приносили въ жертву драгоцѣнные дары... Будь смѣлѣе! Убей другаго! И я стану любить тебя, одного тебя! Дай руку. Я направлю ударъ. Пусть умираетъ онъ вѣчно!..

Лицо богини скрылось отъ меня, растаяло во мглѣ. Мгла разсѣялась. Высокіе своды надъ моею головой уходили во мракъ. Желтое пятно свѣта лежало на столѣ. Темная ночь смотрѣла въ окно безконечнымъ окомъ. Въ опьяненьи ненависти я всталъ. Мои шаги были не тверды. Рука потянулася къ столу, гдѣ лежалъ старинный ножъ. Пальцы коснулись тонкаго лезвія, и холодъ стали наполнилъ меня радостнымъ трепетомъ.

Тотъ, кого я называлъ другомъ, спалъ на сундукѣ, длинномъ, какъ гробъ. Я слышалъ спокойное и ров-

ное дыханье. Какая радость!—его лживые глаза закрыты. Они не помѣшаютъ погрузить ножъ въ сердце, которое не знало жалости ко мнѣ. Повинуясь невидимой рукѣ, закрывая глаза, я поднялъ руку, чтобы нанести ударъ... Голова закружилась. Волны тумана снова обвили меня. Снова засіяли глаза богини.

Среди радостнаго смѣха протянулся долгій, негодующій стонъ. На плитахъ пола, предо мной—блѣдное лицо. Судорожная улыбка смерти открыла бѣлый рядъ зубовъ. Потомъ они впились въ нижнюю губу. По лицу прошли темныя тѣни. Пальцы сжимались и разжимались, пытаясь схватить врага. Взоръ богини, полный жгучихъ лучей, вливалъ въ меня ликованье побѣды. И рука искала кинжалъ, чтобы снова вонзить его...

. . . .

Вмѣстѣ мы понесли убитаго къ окну. Ея ноги не касались пола. Вокругъ нихъ волновались складки одежды, сотканной изъ сизаго тумана. Изъ окна замка мы сбросили убитаго въ бездну. И пробудившіеся вороны привѣтствовали насъ криками и рѣзкіе крики звучали, какъ побѣдная пѣснь...

Вмигъ воздушныя объятія обвили меня. Поцѣлуи загорѣлись на моихъ губахъ:

Ты мой! Ты мой! Кто меня любитъ, тотъ мой!

Унесу тебя къ звѣздамъ, гдѣ сладкое забвенье. Отъ земной тоски мы улетимъ, равнодушные къ людямъ...

Ея кудри, упавшія мнѣ на грудь, стали пурпурными. Но сіянье глазъ блекло, угасало. Не въ нихъ источникъ алаго свѣта, окружившаго меня. Онъ поднимался волнами изъ окна, рождаясь изъ крови убитаго мною. Я такъ подумалъ, и въ отвѣтъ на мою мысль, трепетныя объятія сильнѣе сомкнулись. Мы закружились, какъ въ вихрѣ, подъ высокими сводами. Мы искали спасенія, ужасъ насъ преслѣдовалъ. Тотъ, кого мы бросили въ пропасть, преградилъ намъ путь къ звѣздамъ. И не уйти отъ тяжелаго мрака земли.

Въ глазахъ, что были предо мной, хищная радость боролась съ ужасомъ. То были глаза тигрицы или кровожаднаго духа, свившаго свое гнѣздо въ тайникахъ стараго замка. Объятья меня душили. Я задрожалъ, силясь ихъ расторгнуть. И онѣ разомкнулись. Предо мной длинная струйка голубаго дыма улетала въ высоту темныхъ сводовъ.

И съ ней вмѣстѣ уходила изъ души ненависть... Зачѣмъ оружіе было въ рукѣ? Зачѣмъ мои пальцы не стали безжизненными? Зачѣмъ сталь проникла въ сердце человѣка, и кровь покрыла мою руку? Не руку только, а все мое существо, навсегда!.. Я хотѣлъ бы видѣть его снова полнымъ жизни. А если возврата

нѣтъ, и смерть не отдаетъ того, что ею взято,— пусть уйду я къ нему въ безмолвную бездну, въ ея черную тишину. И жажда тишины, успокоенья погружала душу въ тяжелый сонъ...

. . . .

Проходили мгновенія или часы, незамѣтные. Мгла вокругъ все ярче одѣвалась пурпуромъ и золотомъ. Я открылъ глаза.

Я лежалъ на плитахъ пола. Рука крѣпко сжимала старинный ножъ. Противъ меня, озаренный разсвѣтомъ, стоялъ тотъ, кого я называлъ другомъ. Онъ неотступно смотрѣлъ на меня. Въ его рукѣ было письмо, брошенное ночью на столѣ... Онъ живъ!..

Въ душѣ пронеслись ужасы минувшей ночи. На мгновенье, какъ далекая зарница, ненависть, родившаяся въ ночномъ мракѣ, вспыхнула и погасла. Навсегда... Да, навсегда. За ничтожный обманъ, за слабость души, моя рука подняла надъ нимъ ножъ. Онъ это зналъ теперь.

Въ его глазахъ я прочелъ горе, и тоску стыда, и жалость ко мнѣ. Они не лгали теперь, эти глаза. Они не будутъ больше лгать. Я это понялъ безъ словъ. Ночныя тѣни скрылись. Пусть не встанутъ онѣ снова, никогда.

Молча, онъ протянулъ мнѣ руку и помогъ под-

няться съ плитъ пола. Сквозь узорныя рѣшетки высокаго окна улыбалось утро. Въ свои объятья оно звало изъ стѣнъ стараго замка. За темными стѣнами— просторъ, широкій міръ. Его красота и радости принадлежатъ людямъ, ему, и мнѣ, всѣмъ.

Высокіе своды комнаты наполнилъ золотой разсвѣтъ. Въ немъ оживали и древніе камни стѣнъ, и источенные червями грифоны ложа, и черныя змѣи на парчѣ покрывала. Съ безоблачнаго неба радостный свѣтъ утра лился на сады по скатамъ горъ и на море въ голубой дали...

Оглавленіе.

—

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 072011213